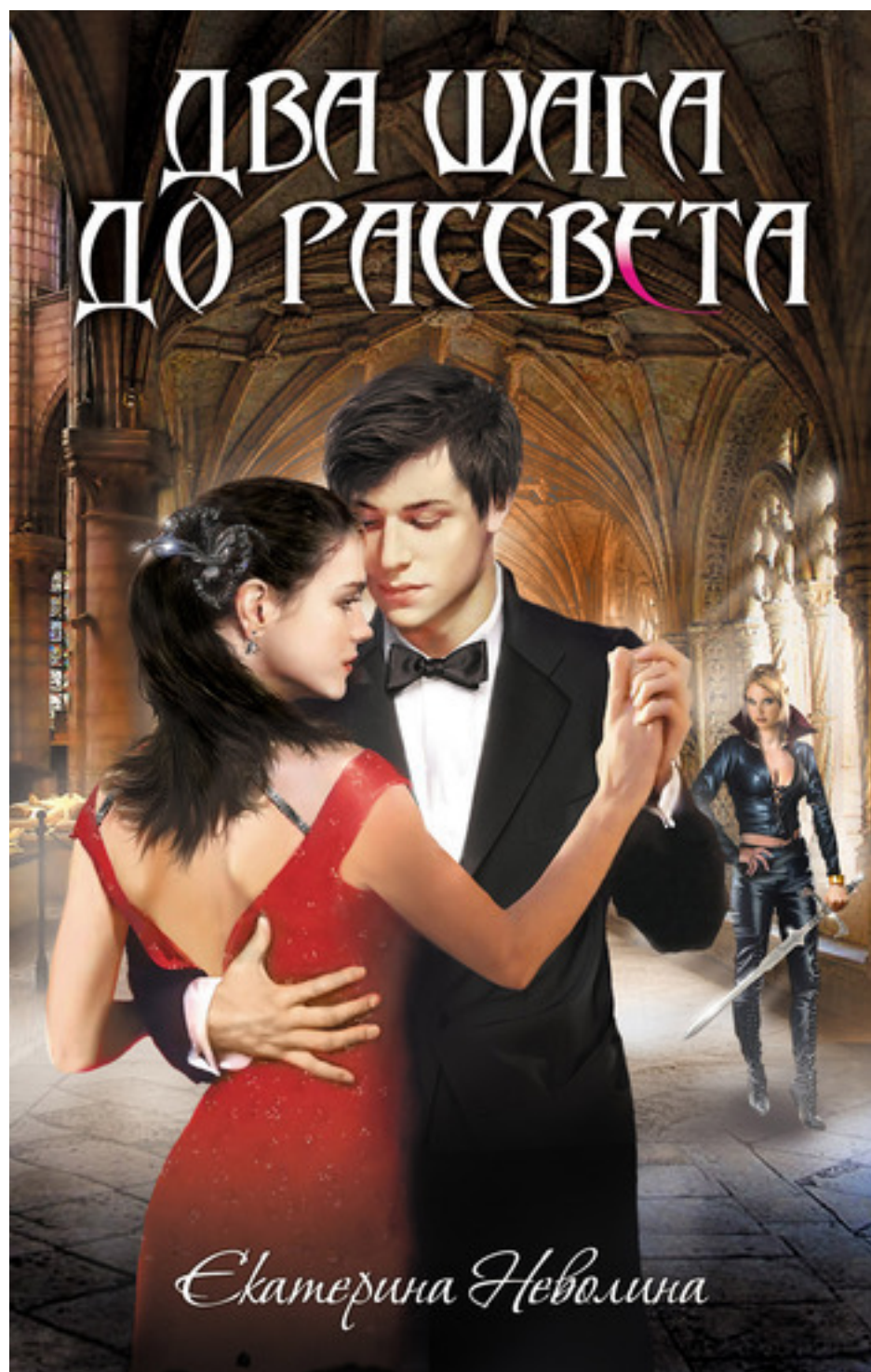

ДВА ШАГА ДО РАССВЕТА

Екатерина Неволина

Пленники сумерек

Екатерина Неволина
Два шага до рассвета

«Автор»

2010

Неволина Е. А.

Два шага до рассвета / Е. А. Неволина — «Автор»,
2010 — (Пленники сумерек)

ISBN 978-5-699-41187-0

«Я словно лань, загнанная безжалостными охотниками. Моя жизнь – нескончаемый бег. Без надежды, без возможности оглянуться. Меня пытаются использовать в борьбе два враждующих вампирских клана, а я не хочу участвовать в их войне! Я просто хочу быть рядом с тем, кого люблю. Но круг замкнулся, и старый враг уже дышит мне в спину... Где-то за горизонтом поднимается солнце, окрашивая небо в кроваво-алый, только здесь – все еще непроглядная ночь. Самое темное, самое страшное время. Последние часы перед рассветом...»

ISBN 978-5-699-41187-0

© Неволина Е. А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Пролог	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Екатерина Невolina

Два шага до рассвета

*Несс и Дерк, примите мои искренние
благодарности за участие в данном
романе и вашу воистину
нечеловеческую логику*

Пролог

У моей любви глаза цвета перезревшей вишни и удивительное имя – четкое, как полет стрелы, светлое, как сверкнувшее на солнце лезвие меча.

«Артур», – произношу я, осторожно пробуя языком все оттенки вкуса. Горький шоколад и миндаль.

Артур...

Он вошел в мою жизнь, настежь распахнув двери серых будней, и стал для меня солнцем. Самым большим подарком, врученным мне судьбой...

«Артур», – повторяю я, словно нащупывая путь в темноте.

У моей любви удивительные глаза, в них, как в глубоком колодце, даже днем отражаются звезды.

Часть I

СУМРАК СТАРОГО ДОМА

Глава 1

В окно глухо барабанил дождь. Такие дожди чаще всего бывают затяжными. Как зарядит на целую неделю – только держись. Монотонные, прилипчивые, печальные. Я слушала его, сидя в большом плюшевом кресле. Папа и мама уехали по делам, и я осталась в квартире одна, если, конечно, не считать голубенка Мерлина, с недавних пор поселившегося у нас в доме.

Мне было ужасно одиноко без Джима. Джим – это мой верный пес. Я взяла его в дом смешным толстомордым щенком с вечно разъезжающимися на паркете лапами. Я была тогда совсем мелкой девчонкой. Тоже смешной – тощей и нескладной. А потом мы выросли. Джим – в огромного благородного пса, я – в долговязую бледнокожую девицу. И вот Джим погиб, спасая мою жизнь. Мой самый верный и преданный друг ушел, а я осталась. Чтобы вот так сидеть с ногами в кресле и слушать, как плачет за стеклом дождь. Пусто. Очень пусто в квартире без Джима. Никто не стаскивает с меня одеяло, не вылизывает шершавым языком щеки, не крутится под ногами, когда я отчаянно куда-то опаздываю. Его больше нет со мной – вот и все. Да и опаздывать мне сейчас некуда. Занятий в школе не будет еще целую неделю.

Еще целую неделю мне придется оставаться наедине с собой и слушать эту ужасающую тишину, нарушаемую лишь тиканьем часов. Сегодня даже часы тикали как-то глухо и тревожно.

Тик-так!

Кто твой враг? —

будто повторяли они.

Пытаясь немного развеяться, я сняла с полки книгу Джейн Остен. Я уже читала «Гордость и предубеждение», но иногда мне нравится перечитывать знакомые книги. Они – как старые верные друзья. Если мне плохо, ни за что не возьму новую книгу – лучше обращусь к старому другу, который уж точно не подведет меня, не преподнесет неприятного сюрприза.

Я дочитала до сцены на балу. В квартире по-прежнему царила тишина. Свернувшись клубочком в кресле и подтянув к груди колени, я думала о себе и об Артуре, представляя нас героями книги.

Он тоже при знакомстве показался мне надменным и гордым. Не зря говорят, что первое впечатление – обманчиво.

Я вспоминала о том, как увидела его впервые – сказочного мальчика с удивительными глазами, глядящими прямо в душу.

Я вспоминала наш бал и тот странный танец, когда Артур, провоцируя меня, кричал мне, чтобы я сняла маску. В то время он носил маску сам... Тогда я еще не знала о нем ничего. Ни того, что Артур пришел в нашу школу специально для того, чтобы разыскать меня, ни о том, что он не был человеком... Он был... вампиром... Вот я и произнесла это слово, легшее на мое сердце тяжелой печатью обреченности...

Громкая трель звонка прозвучала в пустой притихшей квартире так чуждо и неожиданно, что я вздрогнула. Звонили в дверь. Мне не хотелось идти открывать, но неведомый визитер оказался настойчив.

Медленно, надеясь, что он все-таки уйдет, я нащупала под креслом тапки, надела их, вышла в общий коридор и заглянула в глазок.

За дверью стояла... Виола – самая популярная и избалованная девочка нашего класса!

Интересно, что она здесь делает? Она была у меня дома раза два-три, и то в далеком детстве, когда мы только начинали учиться вместе, и мама, желая, чтобы я нравилась классу, велела мне приглашать всех одноклассников на мои дни рождения. Правда, ничего хорошего из этого не вышло. К счастью, мама так и не узнала, что над ней и надо мной только смеялись.

– Кто там? – спросила я, все еще не веря своим глазам.

– Полина, это Виола. Нам нужно срочно поговорить! Открой, пожалуйста! – услышала я знакомый голос.

Если я стану опасаться каждого, недолго и параноиком стать.

Щелкнул замок, дверь открылась, и я определенно поняла, что в мире что-то не так.

Это действительно была Виола. Но, боже мой, как чудовищно она выглядела! Щеки впали, на лице очень много косметики – густой слой тоналки и пудры, видимо, чтобы скрыть залегшие под глазами тени, с распущенных волос стекает вода, будто она – дочь известного банкира – шла под дождем пешком минимум от остановки! Вот, точно, на ее дорогом плащике засыхают брызги дорожной грязи. Никогда не видела Виолу в таком виде!

Перехватив мой недоуменный взгляд, Виола криво улыбнулась.

– Да, – объяснила она, – я сегодня своим ходом. Не хотела говорить отцу, уж больно дело деликатное...

Я кивнула, хотя, честно сказать, ничегошеньки не поняла.

– Ты хотела о чем-то поговорить? Ну, говори.

Она чуть скривилась.

– Мне холодно, – она поежилась. – Можно я войду? Тыпустишь меня? – и, видя, что я колеблюсь, добавила: – Это касается Артура.

– Входи, – неохотно согласилась я, пропуская Виолу в квартиру.

Когда она разулась (интересно, а как это она вообще доехала в туфлях – своим ходом, да еще в такую погоду?!), я заметила, что у нее порваны колготки.

Происходящее никак не укладывалось в моей голове. Что-то здесь было не то. Что-то неправильное. Она всегда так следила за собой!..

И еще. Пахло от нее не духами, а сыростью.

Все эти факты накапливались в моей голове в разрозненном виде, но мозаика никак не складывалась.

Раздевшись, Виола прошла в мою комнату и с любопытством огляделась.

– Миленько, – сказала она. – А родители дома?

– А зачем тебе мои родители? – спросила я несколько резко.

– Нет, ни за чем, – ответила она. – Они мне, собственно, как раз не нужны. Потому что я пришла к тебе. Вернее, за тобой.

Мое сердце екнуло.

– За мной? – глупо переспросила я.

– Ага, – она улыбнулась. – Меня послали за тобой. Но, прежде чем мы перейдем к делу, я скажу тебе кое-что.

Я посмотрела на ее руки. Они были совершенно белыми. Ее пальцы словно удлинились, а ногти выглядели как настоящие когти. Не может быть!

– Ненавижу тебя! – медленно проговорила Виола, надвигаясь на меня и заставляя меня прижаться к стенке. – Ненавижу! Ты сломала всю мою жизнь! Из-за тебя со мной случилось вот это! – она подняла руки с растопыренными пальцами, и в моей груди будто что-то оборвалось.

Виола уже не была прежней.

– Подожди, при чем тут я? Понимаю, что мы с тобой не всегда ладили, но я...

– Не притворяйся дурочкой, – оборвала она, и я заметила, как у нее во рту сверкнули клыки. – Он охотился на тебя! Это все из-за тебя! Только из-за тебя! Он послал меня в школу за тобой!..

...Последний день занятий в школе... Виола словно сама не своя. Вот она со своей неразлучной подружкой Натали, а вот Виола стоит у окна, неподалеку от женского туалета, я вхожу туда и вижу кровь и безжизненно распростертое тело...

– Натали! Это ты убила Натали! – выкрикнула я прямо ей в лицо.

Виола улыбнулась.

– Ну вот, видишь, ты можешь соображать, когда это требуется, – сказала она, облизнувшись. – Я была очень голодна, и мне требовалась кровь. Я не должна была этого делать, но так получилось... Само собой... И он жестоко наказал меня за это! Он вообще очень суров со мной, хотя я стараюсь выполнять все его указания!

«Это о Ловчем, – вдруг догадалась я. – Он – это Ловчий!»

Ловчий – тоже вампир, только, в отличие от Артура, он из стана диких. Дикие убивают людей и пьют их кровь, они очень сильны и не останавливаются ни перед чем.

В памяти тут же всплыл вечер, когда погиб Джим.

Он словно возник из самой ночи – черноволосый молодой человек в тяжелой рокерской куртке, со сложенным в ироничной усмешке тонкогубым породистым ртом. Каждая частичка его поджарого тела так и источала опасность.

Я в ужасе смотрела на него. Мне нужно было бежать, но ноги отказывались слушаться. Кажется, тогда я не смогла бы ступить ни шагу – даже под дулом пистолета.

– Ну что же ты такая вялая? – спросил он. – Ой, простите, барышня, забыл отрекомендоваться. К сожалению, наших общих знакомых нет поблизости, поэтому позвольте представиться самому. Королевский Ловчий. Можете называть меня просто Ловчим. В конце концов, какие между нами формальности?...

Он пришел, чтобы забрать меня с собой, и, если бы не Джим, у меня не было бы ни единого шанса... Джим спас меня, бросившись на Ловчего и подарив мне две минуты драгоценного времени. Ровно две минуты, которые в конце концов спасли мою жизнь...

И вот теперь передо мной стояла Виола, пришедшая, чтобы закончить его работу.

– Давай обо всем договоримся, – я растянула губы в подобии улыбки. Не уверена, что получится уболтать ее, но хотя бы попытаться следовало. – Ты помнишь Артура? Да, я понимаю, как тебе сейчас тяжело. Но Артур может оказать тебе реальную помощь. Слышишь? Давай позвоним ему, он ответит тебя к своим, и они защитят тебя от Ловчего!

– Заткнись! – взвизгнула Виола. – Ты так ничего и не поняла! Я не предаю его, но я и не выполню его приказания, потому что стану действовать в своих интересах! Потому я не приведу тебя к нему. Я буду очень добра и выпью тебя сама. И ничья кровь не будет для меня такой сладкой! Как я мечтала об этом!

С этими словами она вплотную приблизилась ко мне. От нее пахло сыростью и тянуло холодом. Я отступила. Неужели это последнее, что я почувствую в этой жизни?!

– Господи, как же я ненавидела тебя с самого первого класса! – продолжала Виола. – Ты всегда была до отвращения гордой. А еще вспомни, что ты мне сказала про моего принца! Ты сказала, что убила его в волшебной стране. Теперь я знаю, ты не солгала: ты и вправду ведьма, но убила не его, а меня!

Она кричала мне в лицо, и я ощущала ее ненависть буквально физически.

И пока она говорила, я осторожно отступала к шкафу, надеясь вооружиться привезенной папиным другом из Африки статуэткой – деревянной, но такой тяжелой, будто она сделана из камня.

Но Виола легко разгадала мои намерения и преградила мне дорогу.

– Даже не думай, – усмехнулась она, – я все равно быстрее и сильнее тебя.

И вдруг страх исчез из моего сердца – словно легкий шарик улетел в безоблачное небо. Мысли чудесным образом прояснились, и я вспомнила тот единственный урок, который успел дать мне Артур.

«Если тебе придется бить сильного противника, бей не рукой, а волей», – явственно прозвучал в ушах его голос.

– Вижу, моя кровь действительно стала хитом сезона, – сказала я и резко, почти без замаха, ударила Виолу куда-то в область солнечного сплетения.

Я обрушила на нее свою ярость и боль от потери Джима. Я обрушила на нее свой страх и накапливающееся годами терпение. Годы одиночества и травли в классе.

В этот миг мне показалось, будто за моей рукой возник огненный шлейф, похожий на хвост, который оставляет в темноте пролетающая комета.

Я едва верила своим глазам, но Виола дико вскрикнула и, взыв, отлетела на другой конец комнаты.

Мое тело словно действовало само по себе, и я с некоторым удивлением наблюдала за происходящим будто со стороны.

Не теряя ни секунды моя рука схватила с тумбочки баночку леденцов, и я бросилась к двери. Быстрый поворот замка – и я в общем коридоре. Здесь я открыла банку, высыпала леденцы на и без того скользкий кафельный пол и, выскочив в коридор к лифту, захлопнула за собой дверь. Сбегая по лестнице, я услышала позади грохот. Кажется, моя нехитрая ловушка сработала.

Вниз, вниз, вниз, вниз.

Стены мелькали так быстро, что казались движущейся дорожкой. Ступени, лестничные пролеты, истыканный спичками потолок – все проносилось передо мной, как при ускоренной съемке. Откуда-то сверху доносился шум погони.

Я мчалась как ветер. В тот момент я сама была ветром.

Вот и первый этаж. Надрывный вскрик входной двери – и я на улице.

Дождь лизнул мои щеки, ледяными струйками скользнул под майку, и только тут я вдруг осознала, что оказалась на улице в чудом удержавшихся на ногах тапках и в домашней одежде.

Проходящая мимо женщина окинула меня недоуменным взглядом, и сила, переполнявшая тело, покинула меня так же неожиданно, как и появилась. Будто морской отлив, оставляющий после себя истерзанный волнами берег.

Надо спешить. Виола должна была появиться буквально с секунды на секунду. Я побежала через двор и почти поверила, что нахожусь в безопасности, когда на плечо опустилась чья-то холодная рука.

Артур, возвращение к точке отсчета

Руки уверенно лежали на руле.

Он уже выехал из Москвы, и машин на трассе было немного.

Ветер врвался в салон, гладил шершавой рукой по лицу. Капли дождя разбивались о лобовое стекло и стремительно стекали вниз. Взмах волшебных палочек-дворников – и дорога перед глазами вновь становилась четкой.

А вокруг расстились луга с редкой, словно старый деревянный гребень, лесопосадкой у дороги.

Золотое и зеленое – геральдические цвета осени. Жизнь и смерть – они всегда рядом. Так о чем же ты плачешь, осень?...

Мокрый асфальт темно-серой шелковой лентой ложился под колеса автомобиля. Мощная машина беспрекословно подчинялась ему. Артур думал, что они с ней похожи. Она – точь-

в-точь такая же, как он, – быстрая, сильная, хищная. Ей, как и ему, нравится скорость и риск. Ей, как и ему, тяжело жить в полсилы, бесконечно смиряя себя, загоняя в неизвестно кем очерченные рамки, и только изредка, как сейчас, позволяя себе быть собой. Двести сорок километров в час – в целом, неплохая скорость.

Артур поглубже вдохнул сырой, налитый водной взвесью воздух. Сколько же лет прошло с тех пор, как он забыл, как это: просто жить, и как чудесно, что к нему вернулось все это. Господи, он снова видел небо, снова мог ощущать и помнить...

Бесконечные тренировки...

«Отрок, я хочу, чтобы ты стал безупречен...» Какая чудовищная мешанина слов! Безупречным может быть только мертвый. И он был таким... он уже почти что стал таким... Безупречной схемой с идеальной сияющей улыбкой... Если бы не она... Если бы не Полина...

Артур улыбнулся, вспомнив ее такой, какой он увидел ее впервые. Тоненькая бледная девочка с шелковистыми черными волосами и огромными выразительными глазами. Она смотрела на него, и он легко читал все ее чувства – до самого донышка. Весь восторг, удивление, недоверие. Он знал, что люди часто реагируют на таких, как он, именно так. Природа постаралась, чтобы они были привлекательными для людей – как привлекателен для мух изысканный цветок – венерина мухоловка¹. Впрочем, тогда он специально позаботился о том, чтобы произвести на Полину – объект своего задания – особое впечатление.

Но все вдруг пошло прахом. Она усмехнулась и взглянула теперь уже прямо в его душу: ну что, звездишь, красавчик?...

А он и вправду звездил. Почему бы не позвездить мальчишке, шестнадцать лет назад на последние деньги устроившему мать в ободранную комнатку жалкого вьетнамского общежития? Почему бы не позвездить тому, кто щедро залил свою последнюю приличную рубашку чужой и собственной кровью?... И какая разница, если даже на его руках тоже кровь?...

Артур перевел взгляд на свои лежащие на руле руки. Ухоженные. На указательном пальце – перстень с крупным черным камнем. Маленький кусочек ночи. Нет, даже два кусочка: один на руке, другой – в сердце. Все честь по чести. Он с лихвой заплатил за все.

Задумавшись, он едва не проехал нужный поворот.

Резкий поворот руля, визг шин... Машину едва не занесло, однако он легко справился и с этим и выровнял ход. Хорошо иметь сверхчеловеческую реакцию. В последнее время он лучше понимал технику, чем людей. До того, как все перевернулось. До того, как он встретил Полину. Еще немного – и впереди показалось место, куда он стремился. Небольшой городок... Невысокое здание за металлической оградой... Это их точка отсчета. Именно отсюда начинался его путь. Его – и Полины.

Артур резко остановил машину и вышел на улицу, под дождь. Может быть, это не слезы, а кровь осени?...

Дом стоял прямо перед ним – приземистый и страшный – усмехаясь темными подслеповатыми окнами. Даже отсюда, с дороги, Артур мог разглядеть выщербленное крыльцо, на которое шестнадцать лет тому назад положили крохотного ребенка. Маленькую девочку, на хрупкие плечи которой судьба взвалила неподъемную ношу...

Мокрые пряди липли ко лбу, вода затекала за шиворот... и тут что-то кольнуло его в область сердца.

Больно! Чертовски больно! И перед глазами тут же встал образ: Полина! Она в опасности!

И понесло же его именно сегодня в такую даль!

Артур рванул из кармана мобильный.

¹ Венерина мухоловка – хищное растение семейства росянковых. Привлекает насекомых расцветкой и запахом. Листья его обладают способностью захлопываться, когда на них садится добыча.

Длинные гудки... Бесполезно! Он сбросил вызов и нажал новую кнопку. Лиз! Ну где ты там? Ну давай же, ответь!..

Глава 2

Сильная рука легко развернула меня, и я очутилась перед высокой девушкой, на вид лет двадцати с небольшим.

– Постой, Полина, – сказала она красивым звучным голосом. – Теперь ты в безопасности. Среди своих, – и, заметив мой удивленный взгляд, добавила: – Не бойся, я Лиз, подруга Артура.

Подруга Артура оказалась непозволительно хороша. У нее была ровная бледная кожа, прямой нос, огромные зеленые глаза, пышные светлые волосы и точеная фигура, как нельзя лучше подчеркнутая узкими кожаными брюками и облегающей роскошные формы курточкой. Рядом с ней я смотрелась, как драная кошка рядом с королевой Британии. Она казалась совершенно безупречной. И такой уверенной в себе, что мне и не снилось.

Надо же: подруга Артура! Я переступила с ноги на ногу, поджимая замерзшие пальцы – тапочки, конечно, давным-давно промокли – и буркнула:

– Артур не говорил мне ни о какой подруге!

– Значит, скажет. Живо в машину! Дикое наверняка где-то рядом! – командным голосом заявила Лиз и включила рацию, отдавая распоряжения.

Я с удивлением слушала ее. Похоже, она кто-то вроде начальника.

Передо мной лихо затормозила огромная черная машина с тонированными стеклами, и Лиз, не тратя времени на бесполезные дискуссии, просто-напросто запихнула меня в салон. Впрочем, я не сопротивлялась, так как успела к тому времени промерзнуть так, что зуб на зуб не попадал.

Лиз тоже села в машину рядом со мной, и мы выехали со двора. По пути она расспросила меня о том, что случилось, и с помощью рации отдала своим людям еще несколько четких команд.

Чувство собственной неполноценности работало на всю катушку. Всегда ощущала себя неуверенной рядом с успешными деловыми женщинами, к тому же нужно было быть слепым, чтобы не заметить, сколь ослепительна Лиз.

– Кажется, оторвались, – улыбнулась она, когда мы выехали на кольцо. – Ну, если мои недотепы не поймут твою Виолу... – девушка недоговорила, но красноречиво царапнула обивку сидения ухоженными кроваво-красными ногтями.

Она вообще напоминала кошку – гибкую хищницу, заволакивающую и опасную. Я, забившись в угол, смотрела на нее взглядом оказавшейся в западне мыши.

– Не бойся, – снова сказала Лиз. – Я понимаю, в твоей жизни было слишком много опасностей, и ты уже никому не доверяешь. Абсолютно правильно. Лучше не доверять никому, даже себе. Нам – доверять можно, – она по-кошачьи улыбнулась.

– Я хочу видеть Артура. И своих родителей, – заявила я.

– Разумеется. О твоих родителях мы позаботимся. У нас в ходу программа защиты людей-свидетелей, – произнесла она, и я сразу вспомнила какие-то голливудские фильмы. Кстати, говорила Лиз очень чисто, хотя вполне вероятно, что русский не был ее родным языком – внешность у нее была европейская. – А что касается Артура... Я думала, ты сначала предпочтешь переодеться. Или нет? – она чуть насмешливо, по крайней мере мне так показалось, приподняла бровь.

Спорить было глупо, поэтому я молча кивнула.

– Притормози-ка, – распорядилась Лиз.

Шофер остановился у какого-то бутика, и Лиз вышла, не сказав мне ни слова.

Минут через пять – не больше – она появилась с огромным пакетом, села на место и бросила пакет мне на колени.

– Надевай, – скомандовала она.

Подчиняться ужасно не хотелось, но мысль о том, кто из нас будет выглядеть перед Артуром полной идиоткой, подействовала на меня отрезвляюще, и я залезла в пакет.

Там лежали элегантные туфли на невысоком каблуке (сама Лиз легко и грациозно передвигалась, наверное, на пятнадцатисантиметровой шпильке), светлые джинсы, сразу видно, очень дорогие, черный топ на тоненьких ляпочках, черное нижнее белье и, наконец, короткая джинсовая курточка. Все это – в том же стиле, что и одежда на Лиз, но попроще.

– А это на меня налезет? – скептически поинтересовалась я, не припомнив, чтобы Лиз спрашивала меня о размере обуви или одежды.

– Как раз на тебя. Я никогда не ошибаюсь, – ответила она голосом, полным превосходства.

Ну, если у Артура такие друзья... вернее, *подруги*... ему можно только посочувствовать. Тем временем она кивнула шоферу, и мы снова поехали куда-то.

– Я не могу переодеваться здесь! – воскликнула я, в отчаянии глядя на шофера.

– Это почему же? – Лиз даже удостила меня взглядом.

– Не могу – и все!

– Ты стесняешься его?! – Лиз оглядела меня, словно редкостный музейный экспонат. – Ну что же: как хочешь. Только останавливаться мы все равно не будем. Твоя безопасность важнее твоей стыдливости.

Мне уже думалось, что она унижает меня специально, но я не стала спорить и принялась переодеваться, используя как ширму свою домашнюю футболку.

Лиз наблюдала за мной. В ее холодных равнодушных глазах нельзя было прочесть никаких эмоций. Это задевало меня еще сильнее, чем любопытство или неприкрытая злость.

– А я тебе, кажется, не нравлюсь, – констатировала я, натягивая джинсы.

– Ты – мое задание.

Лиз не была расположена к разговорам.

– Правда? – я в деланом изумлении подняла брови. – Ну по части одежды ты справилась идеально. Действительно как раз мой размер. А вот по части охраны... Интересно, что скажет старейшина, когда узнает, что ты пропустила Виолу и она едва не убила меня?... – Лиз дернулась, и ее ногти неприятно скрипнули по кожаной обивке кресла. – Скажи, как у вас поступают с теми, кто проваливает задание?

Я уже сама не понимала, зачем злю вампиршу – против логики, вопреки инстинкту самосохранения. Она взглянула на меня сузившимися глазами и провела кончиком языка по краю своих безупречно очерченных губ, подчеркнутых глянцево блестящей красной помадой:

– А ты храбрый человек.

Я перевела глаза на обивку сиденья и увидела, что толстая кожа порвана. Продолжать наш сомнительный диалог не было никакого смысла, и мы замолчали.

Тем временем машина подъехала к пятиэтажному зданию, окруженному металлическим забором. Шофер опустил стекло, поздоровался с охранниками, и мы въехали на территорию дома.

– Приехали, – объявила Лиз.

Я вылезла из машины и с любопытством огляделась. Похоже, я попала на закрытую базу. Пустой «просматривающийся двор», пост охраны на въезде, здание, чем-то отдаленно напоминающее крепость. Нет, там не было ни окон-бойниц, ни крепостной стены, ни отверстий, откуда в случае необходимости можно лить на головы врагов кипящую смолу – с виду дом как дом, но ощущение от него было ого-го какое! Он так и щетинился невидимыми пушками, и я почувствовала себя крайне неудобно. Нужно ли мне туда и так ли легко выйти оттуда, как и войти?...

– Пойдем, – скомандовала Лиз, видя, что я замешкалась у машины.

Видимо, она не считала необходимым разговаривать со мной хотя бы чуть-чуть приветливее.

– Где Артур? Я никуда не пойду, пока не увижу его, – ответила я, позаимствовав ее холодный тон.

Температура между нами приближалась к отметке минус пятьдесят. Еще немного – и все вокруг нас покроется инеем, а слова начнут замерзать в воздухе и со звоном падать на землю, так и не достигнув ушей собеседницы.

– Он уже едет. Ну, если тебе нравится, можешь ждать его целый час под дождем, – Лиз равнодушно пожала плечами и направилась в сторону дома.

Именно ее безразличие убедило меня лучше любых слов. Вернее, начини она меня уговаривать, я бы наверняка осталась во дворе.

В общем, я последовала за вампиршей и не без душевного трепета вступила под своды дома. Здание, похоже, было построено где-нибудь в конце девятнадцатого века и соответствовало застройке центра Москвы. Но это только на первый взгляд. Если приглядеться, над зданием основательно поработали, видимо, пытаясь придать ему одновременно и красоту, и удобство, и незаметность. Плиты нижнего яруса при ближайшем рассмотрении оказались покрыты причудливой изящной резьбой, а деревянная арка над дверью была украшена сценами из жизни какого-то вельможи былых времен. Стараясь не отстать от Лиз, я окинула их лишь беглым взглядом, и тем не менее в голове у меня возникла идея, что это за вельможа.

Внутри дом отчетливо напоминал старинный особняк. Наверх вела большая лестница с колоннами, глядя на которую я тут же вспомнила словечко «мраморная». На первом этаже имелся просторный холл, у входа в который располагалась очередная комнатка охраны. Видимо, с этим здесь было все в порядке. Пол в холле был «шашечками» – черно-белый, у стен стояло несколько мраморных столиков, а на потолке висела огромная хрустальная люстра. Вся обстановка отличалась элегантностью и роскошью. Подобные залы я видела в исторических фильмах. Однако что-то здесь было не так. И подумав, я догадалась, что именно: зеркала! В зале не было ни одного зеркала! Неужели сказки правдивы, и вампиры действительно не отражаются? Я задумалась, видела ли я когда-нибудь отражение Артура? Кажется, видела... или нет? Точно вспомнить я не смогла, надо будет обратить внимание.

Тем временем навстречу нам вышел немолодой человек с окладистой бородой, одетый в странную холщевую одежду наподобие монашеской рясы. На поясе у него висела тяжелая связка больших старинных ключей. Неужели такими ключами еще кто-то пользуется?... С полминуты я разглядывала его совершенно беззастенчиво, а потом смутилась и отвела глаза.

– Ценный груз доставлен, – буркнула тем временем Лиз и, не говоря больше ни слова, ушла.

– Добрый день, Полина. Меня зовут Петр, я управляющий по дому, и, если тебе вдруг покажется здесь что-либо неудобным или захочется поменять обстановку комнаты, пожалуйста, обращай ко мне, – приветливо произнес человек в рясе.

Его слова несколько меня насторожили. Интересно, как долго они планируют удерживать меня в этом доме. И главное: зачем? Наверняка у них есть относительно меня какие-то планы. «Например, сделать из меня ручного монстра и в случае необходимости спускать на врагов», – как всегда, ехидно подсказал внутренний голос.

Сомневаюсь, что смогла бы впечатлить их врагов. Ну разве что, если бы начала брать у них интервью – они бы наверняка удивились!

На что еще может сгодиться недоучившаяся журналистка?...

Однако я не спешила озвучивать свои сомнения.

– Я хотела бы увидеться с Артуром. Когда он вернется? – спросила я, продолжая рассматривать помещение, в которое попала.

– Понимаю твое беспокойство, – управляющий задумчиво кивнул. – А вы не позвонили ему с телефона Лиз?

Она даже не подумала предложить мне это. Наверное, в ее инструкции не входил пункт, где говорилось о том, что меня нужно утешать и успокаивать.

– Нет. А можно? – тут же поинтересовалась я.

Управляющий взял со стола телефонную трубку и протянул мне. Номер Артура я помнила наизусть. Всего лишь один гудок, и я услышала знакомый, бесконечно родной голос.

– Артур! Это я! – выдохнула я, без сил прислоняясь спиной к одной из колонн, украшавших просторный холл.

– Полина? Где ты?

На сердце потеплело. Он беспокоился обо мне. Это так хорошо, когда о тебе заботятся, когда ты кому-то не безразличен.

– Не знаю. Кажется, где-то на Арбате... Ты не представляешь! Виола стала вампиром и напала на меня!..

Управляющий стоял неподалеку, сохраняя на лице выражение, более подходящее какой-нибудь каменной статуе, но я отчего-то была уверена, что он слышит каждое мое слово, ужасно смутилась и наверняка покраснела по своей дурацкой привычке. У меня бледная тонкая кожа, и я вообще краснею по каждому поводу, а иногда – даже без него.

– Но Лиз справилась? Она увезла тебя? – с тревогой спрашивал Артур.

Я отвернулась, чтобы не смотреть на управляющего.

– Да, эта блондинка, затянутая в кожу, кажется, говорила, что ее зовут Лиз, – произнесла я как можно равнодушной. – Она пообещала, что ты приедешь сюда...

– Уже еду. Еще минут сорок – и я буду. Пожалуйста, не волнуйся, опасность миновала.

Его голос ласкал меня, по капле вливая спокойствие и уверенность. Похоже, что я зря разволновалась.

– Приезжай, я очень жду, – прошептала я, надеясь, что Петр не расслышит хотя бы это, и решительно нажала на «сброс» – не люблю, когда посторонние становятся свидетелями самых личных сторон моей жизни.

– Спасибо, я закончила, – я протянула управляющему трубку. – Можно я подожду Артура здесь?

– Думаю, тебе все же лучше пройти в твою комнату и немного отдохнуть, – сказал Петр. Ах так, у меня уже есть здесь своя комната? Видно, дела и впрямь плохи.

Я переступила с ноги на ногу. Туфли ощутимо жали. Обувь трудно подбирать на глаз, но меня почему-то упорно грызла мысль, что Лиз не случайно выбрала для меня тесную пару... Или я передергиваю и слишком грешу на Лиз?... Но отношения у нас определенно не заладились.

– Кто такая Лиз? – спросила я, следуя за управляющим по роскошному холлу.

Пол был идеально начищенным и... весьма скользким, так что пришлось собрать всю волю и отслеживать каждый свой шаг, чтобы не упасть – на потеху Лиз и ей подобных. Представляю, сколько невидимых глаз внимательно наблюдает за мной сейчас!

– Лиз – отличный специалист по ведению боевых действий. Она у нас в этом плане лучшая. – Петр искоса взглянул на меня и снова улыбнулся. – Не принимай близко к сердцу ее поведение. Она такая со всеми. Общение не самая сильная ее сторона, однако она настоящий профессионал и в случае опасности не задумываясь придет к тебе на помощь.

Я вспомнила ярость, охватившую Лиз в машине, и порванную кожаную обивку сиденья. Верю, что она вполне способна спасти меня от врагов – но только не от самой себя.

– Пожалуйста, за мной. – Петр нажал какую-то кнопку, и перед нами открылась кабинка лифта. Зеркал там тоже, кстати, не было.

На лифте мы спустились на минус второй этаж. Я заметила, что под этой кнопкой была еще как минимум пара. Похоже, здание построено по принципу айсберга – наверху всего лишь небольшая его часть.

Мы вышли. Под ногами была мягкая ковровая дорожка – ну наконец-то можно не бояться поскользнуться! Петр повел меня по коридору. По обеим сторонам его располагались какие-то комнаты с деревянными резными дверями, и мне подумалось, что все это очень похоже на гостиницу.

– Ну вот и пришли. Отдыхай. Я сообщу тебе, когда приедет Артур. – Петр распахнул большую дверь, украшенную стилизованными грифонами и завитушками, и передо мной оказалась просторная комната, наверняка составившая бы предмет мечтаний большинства девушек.

Во-первых, в помещении почти не было мебели. Огромный диван – очень низкий, похожий на круглый аквариум, со множеством подушечек-рыбок, нежно-голубой ковер с длиннющим ворсом, суперсовременные, тускло поблескивающие металлом, изгибающиеся полки с книгами. В углу – большое, мягчайшее даже на вид, кресло и высокая темно-синяя ваза с одним-единственным цветком. Кажется, это была орхидея. Одну из стен занимал огромный, как в кинотеатре, экран. Комната оказалась даже лучше, чем у моей подруги Вики.

– Если захочешь принять душ, ванная вон там, – мой провожатый кивнул на незамеченную мною дверь. – Располагайся и отдыхай.

– Но... – я удивленно обернулась и увидела закрывающуюся перед моим носом дверь.

Я дернула за ручку и с ужасом убедилась, что оказалась заперта в комфортабельной и милой ловушке!

Дом навалился на меня всей своей тяжестью. Неужели мне не дано право выбора? Я начала чувствовать себя, словно подвешенная на ниточках марионетка. Игрушка чужой воли, выдернутая из привычной жизни.

Подойдя к книжной полке, я вытащила одну из книг. Она была совершенно новая. Никто не открывал ее до меня. Бросив ее на пол, потянулась ко второй, третьей... Новые! Все книги – новые! Я отдернула шторы, имитирующие занавешенное окно. За ними была глухая бетонная стена. Ненастоящее! Все здесь было ненастоящее! И хромированные полки, и громадный телевизор, и ночник – все абсолютно новое, принесенное сюда специально ради меня! Искусственный пластиковый мир, аквариум для рыбки-мутанта... Для меня.

Отчаяние, словно тошнота, подкатило к самому горлу. Я задыхалась в этом идеальном хромированном мире.

Как же я могла так глупо попасться?! Ведь не хотела, не хотела же входить сюда и, как последняя дура, повелась на безразличие Лиз и притворное дружелюбие Петра! Кажется, есть такой метод: плохой и хороший полицейский! Они разыграли меня, провели как первоклассницу! Что же теперь делать? Паника овладела моим сердцем.

«Спокойно, Полина, – сказала я себе, – возможно, они как раз и добиваются того, чтобы ты потеряла голову. Или в очередной раз ставят над тобой какой-то дурацкий эксперимент и сейчас с интересом наблюдают за тобой. Не будем доставлять им удовольствие».

Я сбросила тесные туфли, села на подушки и, обхватив колени руками, попыталась сосредоточиться. Как там меня учили на карате? Дышать глубоко и тихо, постепенно растворяясь в воздухе, ощущать себя частичкой мира, пропуская через тело энергию земли и неба... Постепенно напряженно сжатые пальцы разжались, и я почувствовала себя спокойнее.

Так-то лучше. Теперь, когда голова прояснилась, можно искать пути решения проблемы. Я вошла в ванную и огляделась. Ванна с гидромассажем, изящная раковина и – наконец-то – огромное зеркало. Пока я оглядывала всю эту роскошь, меня посетила занятная мысль, что непрошенные хозяева позаимствовали интерьер для моего жилища из модного глянцевого журнала и еще... они готовились к моему приезду уже давно. Об этом говорили всякие мелочи.

Мой любимый фиалковый запах, витающий в комнате, хороший подбор книг, висящий на крючке голубой махровый халат с овечкой – в точности такой же, как и у меня дома...

Они позаботились о том, чтобы мне было комфортно в новой клетке. Идеальная мышеловка для глупой мыши. Здесь можно держать ее сколько угодно, откармливая на десерт жирным котам...

Я открыла расположенный под раковиной ящик и обнаружила там все, что только могло понадобиться девушке для наведения красоты: кремы, тоники, косметика, лаки для ногтей, помады всех цветов и оттенков, фен, пара расчесок – с мелкими и крупными зубцами, лаки и муссы для волос, шпильки...

Шпильки! Моя рука замерла. А почему бы не попробовать?... Хуже, наверное, не станет...

Я огляделась в поисках снимающей меня камеры, но не заметила ее. Либо камеры тут нет, либо она хорошо спрятана. Ладно, попытка – не пытка, а риск, как известно, – дело благородное.

Я взяла одну из шпилек и, насвистывая какой-то дурацкий мотивчик, двинулась к двери в комнату. Еще один настороженный взгляд... Камеры так и не обнаружилось. Будем надеяться на лучшее. Вряд ли они ожидают, что я попытаюсь сбежать в ближайшие полчаса. Надо пользоваться этим преимуществом – единственным, которое у меня есть.

Над ручкой располагалось узкое отверстие. Не знаю, сработает ли шпилька в электронном замке, но попробовать стоило. Я потыкала в отверстие, смутно надеясь, что механизм сработает. Что-то тихо щелкнуло. Неужели все так просто?! Я повернула ручку, и дверь открылась!

Ура! Вот она – маленькая, но несомненная победа. А у меня, оказывается, талант! Теперь нужно сосредоточиться и вспомнить, как мы шли сюда. Сначала налево, затем два поворота.

Я, стараясь действовать тихо, закрыла дверь отведенной мне мышеловки. Замок снова щелкнул. Так, порядок. Возможно, они не сразу догадаются, что клетка опустела и птичка уже на воле... почти на воле.

Стараясь почти не дышать, я, как была, босиком, осторожно пошла по коридору. Нервы были напряжены, словно перетянутые гитарные струны. Кажется, любой случайный звук – и я с воплем кинусь бежать сломя голову.

Спокойнее, Полина. Нужно взять себя в руки. В комнате у тебя все получилось, должно сработать и сейчас. Главное – не нервничать, не торопиться, а значит, не совершать ошибок.

Первый поворот... Подойдя к нему, я остановилась и долго вслушивалась в тишину огромного дома. Как же нечеловечески тихо! Вот именно что не человечески! Прийти самой в гнездовые вампиров – нужно быть совершенно без головы.

Кажется, никого. Можно двигаться дальше. Я заметила, что инстинктивно иду на цыпочках, и невольно улыбнулась: кажется, пересмотрела шпионских фильмов. Ковровая дорожка и так заглушит мои шаги, а окажись здесь вампир, он, наверное, все равно почует меня... Я прошла еще немного и вдруг услышала голоса. Кто-то шел мне навстречу!

Нужно немедленно куда-то спрятаться. Одна из дверей оказалась приоткрыта, и я заглянула туда. Боже мой! Как удачно – лестница!

Я нырнула в проем и остановилась, затаив дыхание.

– ...А обед сервируйте в большом зале, – говорил голос. Я узнала его: это, без сомнения, был Петр.

– Будет сделано, – отозвался невидимый собеседник.

Шаги замерли у двери, за которой я пряталась.

– Андрей, почему эта дверь не закрыта? – строго спросил Петр. – Ты должен помнить: у нас сегодня гости! Такая безалаберность совершенно недопустима!

– Сейчас все исправлю.

Дверь распахнулась – хорошо, что открывалась она в мою сторону. Я стояла за ней, накрепко зажмурив глаза, будто это могло помочь мне скрыться от опасности. Совершенно некстати вспомнился страус, прячущий голову в песок. «Нет! Здесь никого нет!» – мысленно повторяла я, надеясь, что нехитрая мантра сработает и меня не заметят. Сердце колотилось в груди. Даже удивительно, что беседующие не услышали его стук.

– Все в порядке, – ответил голос неизвестного Андрея, и дверь захлопнулась.

Я с облегчением перевела дух. Какое счастье!

Все выходило слишком легко. Даже странно. И с замком, и с игрой в прятки. В голову закралась странная мысль: а что, если все это подстроено? Да нет, не может быть, для чего бы?...

Тем временем шаги затихли вдали. И тут я заметила, что на двери с моей стороны нет ручки. Ну, приехали! Вот теперь путь к отступлению действительно отрезан.

Лестница, на которой я оказалась, вела не вверх, а только вниз.

Очень узкий проход, высокие ступени... Огромные белые камни... Такое ощущение, что я попала в другой век! Сердце ухнуло в пятки, и все тело пронзило холодком. У меня еще оставался выбор: спускаться либо изо всех сил забарабанить в эту проклятую дверь и закричать, чтобы меня, последнюю дуру, выпустили отсюда.

– Девчонка сбежала! Внимание всем! Осмотреть весь этаж! – донесся до меня приглушенный голос.

Нет, выбора не оставалось. Только вниз.

Я, словно перед прыжком в ледяную воду, вдохнула побольше воздуха и начала спускаться.

Лестница казалась мне бесконечной. И кто же придумал делать такие неудобные крутые ступени! Дом давил на меня всей своей тяжестью: и сверху, и снизу, и сбоку. Я казалась себе песчинкой, по собственной дурости угодившей прямоком между молотом и наковальней.

Шаг. И еще шаг. Через боль, через страх, через сомнения. Они думают, что я – только глупая пешка. Кто сказал, что это шах? Я еще вполне повоюю.

Бесконечная лестница. И чудовищная тишина. Такая плотная, что, казалось, ее можно пощупать рукой. Такая, словно мне заложили ватой уши. Не бывает мира без звуков. Такого белого и пустого мира... Я шла по лестнице, будто спускаясь в самый центр земли. Как Алиса, упавшая в глубокую-глубокую кроличью нору. Интересно, я тоже попаду в Страну чудес?...

В тот момент, когда я уже отчаялась, лестница вдруг закончилась. А еще я, наконец, услышала звуки. Тихие звуки музыки.

Я не знаю, звучала эта музыка наяву или только в моем сердце. Неизмеримо прекрасная. Словно тысяча закатов и рассветов, словно тысяча нежных слов и объятий, словно тысяча взглядов любимых глаз – нет, всего один взгляд, но наполненный такой чудовищной нежностью, что на глаза наворачивались слезы.

Завороженная, я шагнула в огромную темную комнату.

Перед глазами немного плыло, и мне казалось, что я снова ощущаю легкий запах фиалок. Музыка вела меня, словно я была рыбкой, попавшейся на невидимый крючок. Рыбкой, которая не желала освободиться, а наслаждалась своей же мукой. Странно, эта музыка пробуждала в моем сердце и наслаждение, и боль – или это было настолько острое наслаждение, что уже становилось болью?...

Я сделала еще шаг, и меня посетило чувство дежавю. Будто я когда-то уже испытывала такие ощущения. Когда-то не слишком давно, хотя и не так ярко...

И тут я увидела его.

Он стоял ко мне спиной и играл на флейте. Его камзол на этот раз был темно-синим, расшитым золотыми нитями, с кроваво-красными рубинами (я почему-то не сомневалась, что это рубины) по рукавам.

Он играл, не замечая меня, а я стояла за его спиной, растерянная и потрясенная, не в силах ни на шаг сдвинуться с места.

Мои глаза были мокры от слез, а сердце до того измучено болью и сладкой истомой, что я не знала, сколько прошло времени: минута или целый век.

Но тут он опустил флейту и медленно – очень медленно повернулся ко мне.

Я увидела, что он очень стар, но все равно дивно прекрасен. Его лицо и глаза лучились мягкостью и добротой, будто укутывая меня в эти лучи, словно в кокон. Так спокойно и так хорошо мне не было еще никогда.

Какое же это счастье, когда на тебя смотрят с заботой и любовью!

– Дитя мое, ты устала, – произнес вельможа мягким, глубоким голосом, в котором, как и во взгляде, звучала безграничная любовь и нежность. – Не бойся, никто тебя не обидит. Ступай к себе. Все будет хорошо.

Он улыбнулся – заботливый отец, наставляющий глупую дочку.

– Ну иди же.

Я не могла произнести ни слова, поэтому только кивнула и пошла обратно к лестнице.

– Полина, – мягко остановил меня его чудесный голос, – не стоит подниматься по лестнице. Она не слишком удобна для тебя. Лучше воспользуйся этим... – он на минуту замялся, – подъемником... Лифтом!

Тонкая бледная рука, обрамленная тонкими кружевами надетой под камзол рубашки, указала мне на небольшую дверцу, и я, снова смущенно кивнув, нажала на кнопку и вошла в кабинку тут же открывшегося передо мной лифта.

Глава 3

Он шагнул ко мне и молча сжал в объятьях. Так порывисто и крепко, что я невольно застонала, и Артур сразу ослабил хватку:

– Извини, я так... волновался за тебя.

Слово «волновался» он произнес с легким изумлением, будто не привык испытывать это чувство.

Если бы Артур вернулся немного раньше, еще до моего неудавшегося бегства, я бы припала к его груди и, рыдая, рассказала о том, что мне довелось пережить. Однако сейчас я совершенно успокоилась и перестала бояться.

– Все хорошо. Нет, все просто замечательно! – ответила я и вздохнула, принялась рассказывать Артуру о встрече со старейшиной вампиров. История с Виолой меня на данный момент совершенно не интересовала.

Артур слушал меня молча, чуть сдвинув брови так, как будто ему не очень нравилось все то, что он слышал.

Самое странное, что и я с каждым произнесенным словом как будто теряла частичку своего энтузиазма. Моя восторженность увяла на глазах, будто оставленная без воды роза, и в конце концов я растерянно замолчала.

– Я рад, что Отец произвел на тебя благоприятное впечатление, – произнес Артур несколько сухо.

Я нахмурилась. Петр со странной связкой старинных ключей, старейшина – добрый, всепрощающий отец... Они что, устроили тут для себя личное небо?... А я уже, заметим, второй раз за день повелась на их дешевые фокусы. Это слишком даже для меня!

– Полина, тебе придется пожить здесь до тех пор, пока опасность не минует. Не бойся: я буду рядом. – Артур взял мою руку. От его холодных пальцев шло странное тепло. То, которое ощущаешь скорее не кожей, а напрямую – сердцем, и я чувствовала, что это не те штучки, в которых его собратья большие мастера, а нечто искреннее, настоящее.

Я подняла на Артура глаза и, встретившись с темно-вишневым глубоким взглядом, робко улыбнулась.

– Дикие охотятся за тобой, и я не знаю лучшего способа уберечь тебя, как поселить здесь, – продолжал он.

– А что будет с моими родителями? – спросила я, кажется, окончательно придя в себя.

– К ним уже выехал один из наших людей. Он успокоит их, они поймут, что с тобой все в порядке, и будут думать, что сами проводили тебя, скажем, в закрытую школу-пансион.

Услышанное мне не понравилось. Они что, превратят моих родных в зомби, будут копаться в их мозгах и внушать все, что им будет угодно?! Не удивительно, что вампиров боятся.

– Это единственный выход, – добавил Артур, видя, как в моих глазах проснулось недоверие. – Мы не сможем обеспечить тебе надлежащую охрану в твоём доме. К тому же, оставшись там, ты подвергнешь опасности своих родителей.

– А так не подвергну? – я вырвала руку и отступила от него на шаг.

– Охотник диких быстро поймет... почует, что тебя нет, а значит, твои родители перестанут его интересоваться. К счастью, он сейчас еще слаб. Так всегда бывает после инициации.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовалась я.

– Когда вампир создает другого вампира, он отдает ему капельку древней крови и от этого слабеет сам. Чтобы восстановиться, бывает нужно несколько месяцев. Наверное, именно потому, что охотник был слаб после инициации, нам удалось справиться с ним. А во второй

раз он даже не рискнул прийти сам – послал неофита, надеясь, что того не почует наша охрана. Так и вышло. Из всех наших тонким нюхом обладает, пожалуй, только Лиз, ну и Отец.

– Лиз, а кто она?

Артур приобнял меня за плечи, и я не стала сопротивляться.

– Лиз очень опытная и сильная. Она учила меня боевым искусствам, – произнес Артур с явной гордостью. – Она замечательная.

Я, не разделяя его восхищения, тихо хмыкнула.

– Между прочим, – улыбнулся Артур, – вижу, мой единственный урок пошел тебе на пользу. Я, конечно, не такой классный специалист, как Лиз, но все-таки готов заниматься с тобой. Здесь есть прекрасный тренировочный зал.

А вот это оказалось как нельзя кстати. Пока лучше всех со своей охраной справлялась я сама, однако повысить собственные боевые качества – вовсе не бесполезное занятие, к тому же хорошее времяпрепровождение, если придется проторчать здесь несколько дней.

– Согласна! – радостно кивнула я.

– Кстати, – Артур чуть иронично приподнял бровь, – здание отлично охраняется и бежать отсюда совершенно бессмысленно, да и не нужно.

– Уже поняла, – буркнула я. – Но меня все равно запрут – для верности?

– Извини, Полина, это была... ошибка, – Артур избегал моего взгляда. – Тебе отдадут ключ.

– Ах вот как... Ошибка. Или очередной эксперимент, которые так любишь ты и твои друзья?

Я вовсе не хотела ссориться с Артуром, но никак не могла остановиться. Я слишком много пережила сегодня, поэтому мне, наверное, было лучше побыть одной. Я так и сказала об этом Артуру и ушла в свою комнату. Все здесь уже было в полном порядке, и разбросанные мною книги снова чинно стояли на полке. Вежливые хозяева не обратили внимания на истерику гостя.

Обед и ужин мне принес человек по имени Андрей. Очевидно, тот, с кем разговаривал управляющий Петр. Вот и славно, что меня не пригласили на ужин со всеми. Перед глазами и так возникала занятная картинка: за длинным столом огромного зала сидят вампиры и, попивая коктейли из донорской крови, с воодушевлением смотрят на мою аппетитно обнаженную шею... Интересно, у кого из нас первым сдадут нервы?...

С такими мыслями и заснула.

Я проснулась посреди ночи, выкинутая из сна, точно пробка из бутылки.

Не помню, что мне снилось. Что-то тяжелое и неприятное. Давящее. Нет, уже не вспомнить.

Я в чужой комнате. Совершенно чужой. В ней даже нет окна. Только лживые занавески и рассеянный свет ночника, горящего на дальней стене. Холодная, пустая комната. Кусочек чужого мира, в котором мне нет места! Коробка для бабочки, припиленной к днищу толстой булавкой.

И в тот момент, когда из моего горла вырвался то ли всхлип, то ли рычание, в дверь постучали.

Наверняка хозяева гостеприимного дома пришли понаблюдать за ходом человеческой истерики. Ну что же, пусть входят.

Я накинула на белую кружевную ночнушку махровый халат с овечкой, подошла к двери и открыла ее.

На пороге стоял Артур.

– Позволь мне войти? – его голос был мягким, словно старый бархат.

Почему-то я не ожидала именно его. Скорее уж кого-то из специалистов по связям с людьми (кажется, Лиз называла их так?), примерно такого же, как был послан к моим приемным родителям – успокоить, порыться у меня в мозгах, приведя мысли и чувства в порядок, сделать из моей головы такую же идеальную и правильную комнату, как та, в которую они меня поселили. А что – полная гармония и никаких проблем.

– Тебя послали утешить меня? – истерика почему-то погасла, а вместо нее по всему телу волной растеклась усталость.

– Я пришел потому, что тебе плохо. Я чувствую это. Мы теперь связаны, – Артур замялся. Да, как я могла забыть: те нити – из моего сердца к его.

– И еще... кое-кому было грустно и одиноко без тебя, – продолжил он, и я с удивлением разглядела на безупречно красивом лице тень смущения. – Вот. – Артур вытащил из-за спины руку и протянул мне...

– Морковкин! – воскликнула я, прижимая к груди старого плюшевого зайца.

Артур улыбнулся:

– Я знал, что ты будешь ему рада. Он скучал по тебе!.. Ну а теперь разрешишь войти?

– Входи уж, – я отступила наконец, впуская Артура в комнату. – И спасибо за Морковкина. Теперь здесь будет немного уютней.

Артур неспешно прошелся по комнате, а я села на диван и подогнула под себя босые ноги. Странно, несмотря на толстый ковер, так и казалось, что от пола тянет холодом. В этой идеальной комнате не было чего-то важного. Возможно, человеческого тепла.

– Некоторые из наших, – сказал Артур, останавливаясь передо мной, – хранят вещи из своей прошлой жизни, но постепенно забывают о них. Прежде я не обращал на это внимания, а теперь вдруг подумал и удивился. Наверное, это хорошо, что у меня нет таких вещей. Представляешь себе диагноз: ложная человечность?

– Зачем ты мне все это говоришь? – растерялась я.

– Чтобы ты помнила о своем Морковкине. Или забыла о нем сразу и навсегда – так честнее.

– Садись ко мне, – я указала Артуру на диван.

Он сел, и я прильнула к его плечу.

– Это тяжело: жить вечно? – спросила я, заглядывая в темные, сияющие, словно самые яркие звезды, глаза.

– Я не знаю, – ответил он. – Я и вправду ничего не знаю. И прости меня за сегодняшнее, ладно?...

Он казался мне слишком красивым и слишком идеальным. Заколдованный принц из старой сказки. Можно ли разбудить его поцелуем?

Я желала это проверить – прямо сейчас, и поэтому впила губами в его холодные губы – пытаюсь забыть, пытаюсь найти опору в пустоте, вдруг развернувшейся под моими ногами. И в тот миг, когда мне уже показалось, что все бесполезно, он ответил на поцелуй, а его руки сомкнулись на моих плечах, стирая прикосновения ночного кошмара, рассеивая тьму и перекидывая на мой одинокий остров хрупкий тоненький мостик – лучик надежды.

– Нет, никаких чудес не будет, – засмеялся Артур, а я тут же разомлела от его улыбки – как хорошо, что теперь он улыбался по-настоящему, а еще как будто специально для меня, только я могла читать его улыбку. – Тебе придется усердно тренироваться, чтобы научиться чему-либо. С чего вы начинали на своем карате?

– С медитации и разминки, – призналась я, надеясь, что Артур не заставит меня делать отжимания.

И, разумеется, напрасно. Он оказался строгим учителем и усердно гонял меня по всему залу. Бег, прыжки, отжимания... Пот лился градом, а в голову лезли дурацкие мысли навроде того, потеют ли вампиры.

Только закончив с разминкой, длившейся, по моим ощущениям, целую вечность, мы перешли к отработке ударов и защиты.

Артур попросил меня показать ему удар, которым я уложила Виолу, однако на этот раз, сколько я ни старалась, у меня ничего не получалось.

– Наверное, я просто не могу ударить тебя. Виолу – могу, а тебя – нет, – признала я наконец.

– Отговорка! – покачал головой он. – Ты просто еще не умеешь направлять свою силу, впрочем, вынужден признать, что ты очень быстро учишься. Мне повезло с ученицей!

Артур поправил выбившуюся у меня из хвоста прядь волос, и я, не выдержав, прижалась к его руке щекой.

– Вижу, вы здесь тренируетесь? – тут же раздался за нами насмешливый голос.

Мы отпрянули друг от друга. Лиз была все так же ослепительна и выглядела, что называется, на миллион долларов. Она смотрела на нас, слегка изогнув углы губ в ироничной усмешке. И надо же ей было появиться так не вовремя!

Меня обрадовало, что Артур не стал оправдываться, а лишь молча пожал плечами. Но и Лиз это вовсе не смутило.

– Подойди-ка сюда, Артур, – продолжила она как ни в чем не бывало, – я хочу дать твоей ученице наглядный урок. Разрешаешь?

– Лиз, – Артур с шутливой мольбой развел руками, – неужели ты хочешь опозорить меня перед Полиной. Что она скажет, если ты уложишь на обе лопатки ее учителя?

– Считаю, что это вызов, – оборвала его та, – и не прибедайся: в конце концов я сама тебя учила. Давай-ка продемонстрируем то, на что способно тренированное тело.

– Ну вызов так вызов, – согласился Артур и двинулся ей навстречу.

Он не дошел до Лиз несколько шагов, когда она гибкой тенью скользнула ему под ноги. Но Артур оказался готов к этому и вовремя отскочил.

Разворачивающаяся перед моими глазами сцена более всего походила на спектакль, на увлекательное и захватывающее шоу. Никогда не любила реслинг и прочее, однако тут было совсем другое. Лиз и Артур двигались настолько завораживающе и грациозно, что я не могла отвести от них взгляд. Они специально замедлялись и лишь обозначали удары, чтобы я могла оценить их движения по достоинству. Нечто подобное я видела разве что в «Матрице», однако там были спецэффекты, а здесь – все по-настоящему. Эта невероятная гибкость, эта завораживающая плавная стремительность движений! Глядя на них, я невольно думала, что природа не напрасно создала таких прекрасных и сильных существ. Вот он – идеал, высшая ступень эволюции.

Я смотрела на Лиз и Артура и понимала, как красиво они смотрятся вместе: темноволосый подросток и ослепительная блондинка. Кстати, как и Тринити из «Матрицы», Лиз была вся затянута в черную кожу, и босоножки на огромных каблуках вовсе не мешали ее движениям. Надень подобные на меня – я вряд ли смогу достойно пройти от стены к стене, не говоря уже о том, чтобы драться.

Тем временем Артур и Лиз, увлеченные своей игрой, перестали обращать на меня внимание. Я поняла, что состязание увлекло их, и почувствовала себя лишней. Если Лиз снова хотела меня унижить, она добилась своего: я никогда не смогу двигаться так пластично, быстро и красиво. Я никогда не составлю Артуру идеальную пару.

Печально улыбнувшись, я вышла из зала.

Артур догнал меня уже у лифта.

– Полина! Ты куда?

Я пожала плечами: куда идти, мне было абсолютно безразлично.

Он развернул меня к себе и требовательно посмотрел в глаза:

– Ты обиделась? Из-за Лиз?

В этом тяжело было признаваться, но я кивнула.

– Я никогда не стану такой... совершенной, – выдавила я из себя.

Артур засмеялся с таким облегчением, что мне невольно захотелось последовать его примеру.

– Вот глупая! – сказал он. – Тебе вовсе не нужно быть такой, как Лиз! Нашла с кем себя сравнивать! У нее отвратительный характер, хотя при этом она хороший специалист и отличный тренер. Она учила меня всему: и драться, и стрелять, и водить машину. Она и вправду сделала для меня очень много. Как учитель. Не больше. Ты – совсем другое дело. Вижу, мне надо почаще говорить тебе это, потому что ты не веришь себе и не веришь в себя. Ну-ка пойдем, я покажу тебе кое-что.

Он взял меня за руку, отвел в мою комнату и поставил перед зеркалом.

– Только посмотри, какая ты красивая! – сказал он.

– Это после тренировки? – усомнилась я, но все-таки взглянула в зеркало.

Наши отражения были рядом. Его и мое. Оба тонкие, черноволосые, белокожие, мы все-таки казались персонажами одной сказки. Я недоверчиво приглядывалась к себе. Растрепавшиеся волосы, легкий румянец, всегда проступающий сквозь тонкую белую кожу, сумасшедшие фиолетовые глаза.

– Ты моя прекрасная принцесса, – прошептал Артур и коснулся лбом моего лба. – Мне не нужен никто, кроме тебя.

Каждое его прикосновение разливалось по телу огнем, и я вынуждена была закрыть глаза, чтобы взять себя в руки.

И, разумеется, в этот момент в дверь постучали.

– Ну, если это Лиз... – угрожающе произнесла я, и Артур рассмеялся.

За дверью оказалась вовсе не Лиз, а не менее эффектная рыжеволосая женщина в алом шелковом корсете и лежащей красивыми складками длинной юбке. Меня сразу поразила ее величественная осанка и королевская посадка головы.

– Простите, что побеспокоила, – сказала она с легким французским акцентом. – Меня зовут Жюли.

Артур поклонился ей как знакомой.

– Здравствуй, я Полина, – приветствовала я ее по-французски и тут же смутилась. – Впрочем, вы это уже, конечно, знаете.

– О, конечно! – Жюли рассмеялась – будто зазвенели крохотные серебряные колокольчики. – Вы, мадмуазель Полина, у нас, можно сказать, знаменитость! Не каждый удостоивается того, чтобы в честь его устраивали бал.

– Ой, проходите, пожалуйста, в комнату. – Я только сейчас осознала, что выгляжу в глазах этой рафинированной особы неотесанной деревенщиной.

Жюли вошла, и я заметила, что она, с некоторым любопытством оглядывая мое временное пристанище, с удивлением остановила взгляд на большом плюшевом зайце. Впрочем, француженка ничего не сказала и села в предложенное кресло – все такая же прямая и величественная.

– Не буду вам мешать. Полина, если не возражаешь, я зайду попозже, – сказал Артур, вдруг ставший чопорным и светским.

Я не возражала, и он, поклонившись, ушел.

Возможно, Жюли ждала, что я выдам свое нетерпение и тут же приступлю к расспросам, но я, хотя она меня и заинтриговала, держала паузу. Одна из моих любимых героинь Джулия Ламберт² говорила, что, если уж взял паузу, нужно ее держать.

В конце концов Жюли улыбнулась.

– Очень приятно, что я не обманулась в ожиданиях, – протянула она, поглядывая на меня немного искоса. Ее белоснежные руки спокойно лежали на подлокотниках кресла, и я подумала, что ей подходит даже его современный дизайн. Наверное, это особая способность: всегда смотреться гармонично и уместно. – Надеюсь, мы поладим.

Я кивнула.

– Ладно, долой эту чопорность, – Жюли чуть наклонилась ко мне, демонстрируя, что наш разговор перешел из официальной стадии в личную. – Итак, наш добрый хозяин устраивает в твою честь бал, где ты будешь официально представлена нашему Дому. Предупрежу сразу: у нашего хозяина имеются некоторые... устоявшиеся пристрастия. Однако можно посмотреть на дело и с другой стороны: у тебя есть прекрасная возможность перенестись на несколько веков назад и побывать на настоящем екатерининском балу.

Про пристрастия я уже поняла. Мне вообще стало казаться, что вампиры держатся за свою прошлую, земную жизнь, усиленно моделируя ее в своем нынешнем существовании. Зато сразу легко определить, кто к какому веку принадлежит. Вот Жюли похожа на дам с полотен Ренуара. Думаю, не ошибусь, если предположу, что ее время – граница девятнадцатого-двадцатого веков.

– Спасибо, Жюли. Мне нравится эта идея. Только есть одно «но»... Я училась в элитной школе, у нас были балы, однако...

– Тебя, должно быть, волнует вопрос, связанный с танцами? Конечно же, дело не обойдется без полонеза и вычурного менуэта, однако у нас бывают и более вольные танцы – кадрили, английские контрдансы и даже новомодные вальсы.

Слово «новомодный» в сочетании со словом «вальс» меня откровенно развеселило.

– И перед балом тебе придется взять несколько уроков танцев и, конечно, заказать платье, – продолжала Жюли. – И с тем, и с другим готова помочь тебе. Модистка у нас хорошая, однако иногда слишком увлекается всякими... – Жюли щелкнула тонкими пальцами, подбирая подходящее слово, – финтифлюшками. Кроме того, тебе стоит потренироваться носить корсет. У тебя прекрасная фигура, и запомни, дорогая, такую чудесную талию, как у тебя, нельзя прятать.

Я действительно, стесняясь своей худобы, предпочитала носить свободные вещи, да и сейчас была одета в безразмерную футболку и купленные Лиз джинсы, так что пришлось признаться, что помощь мне весьма пригодится.

На том мы и расстались, договорившись, что Жюли явится ко мне вместе с модисткой через час, а после того, как с меня снимут все возможные мерки, настанет время танцкласса.

Что ни говори, каникулы получались насыщенными. Насколько я могла судить, вампиры относились к этикету и одежде весьма трепетно... Тут я вспомнила Ловчего в его продранной куртке и улыбнулась. А что, если все разногласия между кланами вампиров пошли именно из-за одежды, как в «Гулливере», когда две страны воюют только из-за того, с какой стороны нужно начинать чистить яйцо!

Жюли, как и обещала, вернулась ровно через час. Вместе с ней была непримечательная полноватая женщина, как я понимаю, не из вампиров. Впрочем, прекрасные вампириши вряд ли утруждают себя такими простыми и прозаическими вещами, как шитье.

² Джулия Ламберт – героиня романа С. Моэма «Театр».

– Ну что, Полина, ты готова? – спросила Жюли, и я кивнула, еще даже не подозревая, на какую экзекуцию дала согласие.

Меня раздели до белья, поставили на невысокий табурет и принялись снимать мерки. Мне было несколько неудобно под внимательным взглядом Жюли, которая, конечно же, не сочла нужным выйти из комнаты. Меня вертели из стороны в сторону, тыкали в спину до дрожи холодным измерительным метром, заставляли сгибать и разгибать руку, вертели туда-сюда, словно тряпичную куклу. В общем, чтобы выдержать все это, определенно, требовалось немалое мужество.

Наконец, снятие мерок было закончено, мне разрешили одеться, и Жюли принялась демонстрировать принесенные с собой эскизы платьев. Она успела набросать их всего лишь за час. Рисовала она отменно, а еще я поняла, почему французов всегда считали законодателями моды. Эскизы оказались великолепны, только ни один из предложенных вариантов не казался мне подходящим именно для меня. Я пыталась представить себя в одном из этих пышных торжественных платьев и никак не могла. Жюли, Лиз или даже моей бывшей однокласснице Виоле они подошли бы без всяких сомнений. Но только не мне. В подобном платье я сразу превращусь в ворону, обрядившуюся в павлиньи перья.

– Неужели тебе ничего не понравилось? – спросила Жюли, наблюдавшая, как я один за другим откладываю в сторону листы с эскизами.

– Они чудесны, но мне бы хотелось чего-нибудь попроще, – нерешительно произнесла я.

Жюли поджала губы. Видимо, такова моя судьба: настраивать против себя всех, с кем мне только приходится здесь встречаться.

– Ты не понимаешь, – сказала она довольно сухо, – на екатерининских балах носят особые платья. Верхнее платье называется парадной робой, и его принято густо украшать золотым или серебряным шитьем, многочисленными камнями, кружевами, бантами, ленточками... Вся эта пышная отделка делает женскую фигуру особенно хрупкой и в то же время значительной, величественной.

– Неужели ты думаешь, что я могу выглядеть величественной? – спросила я, улыбнувшись.

– Думаю, что можешь. В тебе есть и сила, и порода. Я вижу, что ты сильная... очень сильная. Наверное, ты сама не знаешь своей силы, – Жюли коснулась моего подбородка холодной рукой и чуть приподняла его, заглядывая мне в глаза.

Портниха стояла подле нас молча, не решаясь вмешаться в наш спор.

И тут, к моему огромному удивлению, Жюли уступила.

– Да, ты права, – сказала она, отпуская мой подбородок, – тебе не нужно все это. Подожди, я сейчас...

Она схватила ручку и на обороте листка, на котором был нарисован один из эскизов, принялась стремительными штрихами набрасывать новый наряд.

Я стояла у нее за плечом, затаив дыхание. На этот раз платье оказалось как раз таким, какое хотела я.

По краю овального, не слишком вызывающего, но достаточно глубокого выреза лифа шел гладкий черный мех. Полоски такого же меха заканчивали рукава у самого раструба. Само платье было белоснежным, с легким, будто морозным, узором по корсажу, украшенному лишь простой шнуровкой. Юбка тоже была самой простой, без всяких рюшей и оборок.

– Настоящий наряд для истинной Белоснежки, не правда ли? – спросила Жюли, отложив ручку. – Готова поспорить, что в таком ты не затеряешься среди толпы гостей.

– Мне как раз не хотелось бы привлекать к себе внимание, – ответила я, все еще разглядывая рисунок. – Хотя, как я понимаю, я все равно буду его привлекать, как ни старайся. Поэтому почему бы не надеть то, что мне действительно подходит?

Я подняла взгляд и встретила глазами с Жюли. Она смотрела на меня настороженно, как будто даже с опаской.

– Не хотела бы быть в числе твоих врагов. Думаю, кое-кто недооценивает тебя совершенно напрасно.

«Лиз?» – хотела спросить я, но промолчала.

Вскоре Жюли и портниха удалились, оставив меня в одиночестве. Неужели я действительно белая ворона и, куда ни попаду, выделяюсь из любой стаи. Или я просто-напросто пока еще не нашла свое место?...

Дом, где жили родичи Артура, был очень стар и полон самых невероятных сюрпризов. Он казался мне творением безумного архитектора. Хотя как-то разобраться в путанице лестниц и коридоров являлось весьма непростой задачей, и, хотя мою свободу не ограничивали, я старалась не углубляться в хитросплетения его ходов – во-первых, из опасения заблудиться и сгинуть в каком-нибудь мрачном подzemелье начала XVII столетия, а во-вторых, боясь нарушить чей-нибудь статус-кво. Хотя вампиры относились ко мне доброжелательно, кто знает, как бы они отреагировали, если бы я по ошибке забрела в их личные владения?! Встреча с Владленом, жаждущим выпить мою кровь, была еще слишком свежа в памяти.

Прошло еще два дня. За это время я обжилась в новой комнате и все-таки узнала кое-что о Доме и его обитателях. Насколько я могла судить, Отец Артура – старейшина вампиров – являлся главой всего рода и был самым древним из них. Других вампиров он называл детьми, а те именовали друг друга братьями. Я с любопытством расспрашивала Артура об обществе, в котором живут вампиры. Оказывается, таких Домов, как у его Отца, по всему миру несколько. Они разбросаны по крупным городам, где легче жить, не привлекая ненужного внимания. Над всеми этими Домами стоял Патриарх – самый старый и могущественный из всех вампиров. Старейшины являлись его детьми и наместниками. В отличие от своих диких собратьев, вампиры, принадлежащие к официальным Домам, уже многие сотни лет жили рядом с людьми, не причиняя им вреда. Они не охотились на людей, используя донорскую кровь, и даже сотрудничали со смертными. Разумеется, вампиры не раскрывали свое инкогнито и чаще всего действовали через подставных лиц. Например, Артур официально числился сыном преуспевающего бизнесмена, тесно сотрудничавшего с Московским Домом. В общем, у вампиров были свои связи в мире бизнеса и политики, что позволяло им вести весьма комфортное существование. Даже здесь, в доме на Арбате, жили не только вампиры, но и люди. Все они были беззаветно преданы Дому и большей частью выполняли всякую техническую работу или состояли в дневной охране.

Я с удивлением присматривалась к новому миру, пытаюсь понять, какое место в нем отводится мне. Вскоре все прояснилось.

На исходе третьего дня моего пребывания в Доме меня посетил личный секретарь старейшины – высокий человек с мрачным лицом, изборожденным глубокими морщинами. Он говорил со мной от имени Отца, обещая защиту и покровительство. От Артура я уже знала, что в моих жилах течет древняя кровь, дающая мне необычайные способности. Поэтому дикие и охотились за мной, стремясь использовать меня в своих целях. Секретарь рассказал о жестокости и бесчинствах, учиняемых ими. В былые времена порой целые городки оказывались истреблены ордами диких вампиров, пьянеющих от одного вида крови. «Наша великая миссия – защищать людей и не допускать кровавого произвола диких», – сказал секретарь, и тогда я вдруг набралась храбрости и спросила, могу ли я быть полезной Дому. «Да, дитя», – ответил он, и я почувствовала, как будто меня касается рука самого Отца – так легко и спокойно мне стало. «Как же? Я очень хотела бы помогать вам, но разве у меня есть для этого возможность? Что могу я, обычный человек?» – удивилась я. «Не сейчас, позже, когда ты обретишь свою силу и научишься ею управлять», – заверил секретарь и ушел, оставив меня донельзя взволнованной

этими словами. Мне было лестно, что вампиры – такие совершенные и сильные, возможно, и вправду нуждаются в моей помощи.

Шли дни. Почти все время я проводила с Артуром. Он учил меня драться и стрелять из пистолета, а по вечерам мы долго сидели в моей комнате. Я читала ему стихи своих любимых поэтов – Вергинского, Гумилева, Блока, и мы много разговаривали обо всем на свете. Жизнь вампиров постепенно раскрывалась передо мной. Во многом ей можно было позавидовать: их окружала роскошь, и каждый из них имел возможность создать свой маленький мирок специально под себя, взяв самое лучшее из своей эпохи, наслаждаться словно бы застывшим временем. Только вот доставляло ли им это удовольствие?... Артур уже говорил мне, что со временем эмоции у вампиров притупляются и умирают, мне кажется, они сами ощущали эту внутреннюю пустоту, поэтому с такой страстью цеплялись за всякие внешние атрибуты, пытались скрыть отсутствие содержания формой. Меня радовало, что Артур еще не цеплялся за это. В его комнате почти не было вещей.

– Я – особый случай. Мне нечего вспоминать и не к чему привязываться, – повторял он, – разве что кроме тебя.

И мы часами болтали о всяких пустяках. Я говорила о своем детстве, долго, словно слепому, рассказывала о солнце, о тысяче вкусов и ощущений.

– Расскажи мне о лимоне, – бывало, просил он.

И я принималась описывать подробно, представляя, что дольку этого самого лимона только что положили мне в рот: о сочности, свежести и легком покалывании на кончике языка.

– Я вспомнил! Это кисло! – радовался Артур, когда наконец ловил мои ощущения.

Кстати, со временем связь между нами крепла, и мы вскоре поняли, что можем общаться не только с помощью слов, но и с помощью образов. И я особенно радовалась, когда мне удавалось передать ему вкусовые ощущения, заставить почувствовать то же, что чувствовала сама.

С родителями мы перезванивались каждый вечер. Хотя большого удовольствия мне эти разговоры не доставляли: я не могла сказать им всю правду, да они бы мне и не поверили, так что приходилось врать и отмалчиваться. Впрочем, они и не проявляли настойчивости. Наверное, это следствие гипноза, но они совершенно не беспокоились обо мне и на слова «у меня все хорошо» обычно отвечали что-то вроде: «вот и здорово, хорошо учись и побольше гуляй – свежий воздух очень полезен для растущего организма». После первого такого разговора я проревела, наверное, полчаса, но потом привыкла. Иногда меня саму пугает то, как быстро я приспосабливаюсь ко всему, как легко принимаю чужие правила игры и следую за обстоятельствами, как следуешь за иглой нитка.

Все домашние новости, приходящие ко мне из прошлой жизни, уже почти не волновали меня. Мама сообщила, что мне звонили Димка и Вика, разыскивая меня, но я попросила не давать им мой новый номер телефона (мне даже завели новую симку). Мне не хотелось вовлекать их в неприятности, а, как я уже убедилась, любой, находящийся рядом со мной, подвергался самой настоящей угрозе, а кроме того, вдруг поняла, что не представляю, о чем буду с ними говорить. Моя жизнь изменилась так круто, что иногда казалось, что между мной и миром обычных людей лежит огромная пропасть.

Вот и мама... Поговорив со мной минут пять, она вдруг замолкала, и мы молчали, разделенные, нет, даже не расстоянием, чем-то неизмеримо большим.

– Ну что, пока? – говорила я, когда тишина становилась совсем невыносимой.

– Пока, – отвечала мама, и мне казалось, что в ее голосе звучит облегчение.

– Будь огурцом! – привычно кричал в трубку папа.

Наверное, так было суждено: в один из дней они подобрали меня и обогрели в своей семье, но пришел час, и они отпустили меня – так же просто и безболезненно, как окрепшего голубенка Мерлина.

Мысль, только ли это последствие гипноза или нечто большее, не оставляла меня в покое. Так или иначе, но разговоры наши становились все короче и суше, а я все больше погружалась в новую жизнь.

Кроме занятий с Артуром, о которых я уже рассказывала, я посещала уроки танцев и те ужасные примерки, которые устраивали для меня Жюли и портниха. Раньше я даже не представляла себе, насколько это утомительно. Эти двое решили создать нечто совершенно особенное и подгоняли платье под мою фигуру так долго, что я теряла всякое терпение. К концу примерки я обычно была вся истыкана булавками, а спина буквально разламывалась от боли.

Немногим лучше оказались уроки танцев. За короткое время мне предстояло выучить множество затейливых фигур и комбинаций.

Но не меньший материал для наблюдения представляла и сама учительница. Все началось с того, что я заметила, что Жюли исподтишка наблюдает за мной и Артуром, и, в свою очередь, стала присматриваться к ней. Француженка оказалась прелюбопытным объектом для наблюдений и явно отличалась от других вампиров, она держалась в обществе холодно и чуть отстраненно. Я бы сказала, что в ней была некая тайна, дразнившая мое журналистское обоняние ароматом неизвестности.

– Расскажи мне о Жюли, – пристала я как-то к Артуру.

Вопрос застал его врасплох.

– Ну, она – одна из старших, – задумчиво произнес он. – Ее у нас уважают, однако она никогда не вмешивается в дела Дома. Думаю, ей это просто неинтересно. Зато по вопросам этикета и всяких там танцев на нее можно положиться. Это она здорово умеет и всегда готова помочь.

Больше Артур о Жюли ничего не знал, и я поняла, что все сведения мне придется добывать самой.

– Как ты замечательно танцуешь, – сказала я как-то на уроке танцев, когда Жюли показывала мне очередную фигуру менуэта.

– Танцы, можно сказать, у меня в крови, – ответила она, поправляя мою осанку.

– Ты была танцовщицей или балериной? – спросила я, пытаюсь держать спину и локти именно так, как мне только что показали. (И почему у нее все выходило просто и непринужденно, а я прилагала титанические усилия и чувствовала себя так, словно проглотила жердь?!)

– Не будь такой напряженной, Полина, – поправила меня Жюли. – Правильная осанка – не значит деревянная, а напротив. Посмотри внимательно, как стою я, – и только после того, как я более-менее справилась с задачей, ответила на мой вопрос: – Да, я действительно была танцовщицей.

– В Париже? – даже муки обучения не могли ослабить мою журналистскую хватку.

Жюли проследила за тем, как я проделала фигуру танца, и в порядке бартерного обмена, ответила:

– Да, – и, видя, что я явно жду продолжения, добавила: – В «Мулен Руж». Возможно, ты слышала о нем.

Этим летом я как раз посмотрела фильм с Николь Кидман, поэтому тут же завершила Жюли, что нет человека, который не слышал бы о блистательном «Мулен Руж», и разговор пошел более оживленно.

Оказывается, у Жюли была удивительная судьба. В далеком 1889 году, когда в Париже только открылось знаменитое кабаре «Мулен Руж», она была там танцовщицей, звездой, взглянуть на которую приезжали со всего Парижа.

Я слушала ее забавные истории, как волшебную сказку. Огни сцены, джентльмены во фраках и цилиндрах – все это казалось мне таким далеким и нереальным, словно я заглянула в чужой для меня мир. Собственно, так оно и было.

Жюли охотно рассказывала мне о кабаре, не забывая при этом следить за моей осанкой и движениями, но когда я спросила, что заставило ее уйти со сцены, французженка замкнулась и тут же сменила тему.

Я не расстроилась. На мой взгляд, одна из важнейших добродетелей журналиста – терпение. Так что мы еще обязательно вернемся к этому разговору. В другой раз. При благоприятной возможности.

И такая возможность действительно вскоре представилась.

Лучше всего мне удавался вальс. Мы обычно танцевали его на балах в школе, а о таком партнере, как Артур, можно было только мечтать! Раньше мы танцевали с ним один-единственный раз – на том самом школьном балу, вспоминать который мне сейчас не хотелось. Как же все изменилось с тех пор! И только сильные и нежные руки Артура, уверенно направлявшие меня, дарили ощущение стабильности, заставляли поверить, что все будет хорошо.

– «Ты блистательный принц золотой андерсоновской сказки»³, – шептала я ему, прижимаясь к нему в туре вальса, и моя голова сладко кружилась от аромата сандала и пряностей, причудливо смешавшихся в его туалетной воде, а еще от того, что он был рядом со мной.

Пока мы вальсировали, Жюли смотрела на нас, и на ее красивом лице читалась тоска. Как я уже говорила, она давно приглядывалась к нам с Артуром, и я уже не сомневалась: в ее прошлом была некая романтическая, возможно, грустная история.

После урока я осталась поболтать с Жюли и, чтобы вызвать ее на откровенность, рассказала нашу с Артуром историю. Она слушала очень внимательно, и я понимала, что все это действительно волнует ее. В тот раз она сама так и не проговорилась, однако я заметила, что ее отношение ко мне переменялось, превратившись из формального в настоящее, дружеское. Постепенно она разговорилась и сама. И вот что мне удалось узнать.

Во время расцвета своей карьеры ослепительная красавица, звезда «Мулен Руж» влюбилась в Сергея – заезжего русского офицера, да так сильно, что тайком бежала с ним в Россию. Здесь ей пришлось пережить смерть своего возлюбленного. Что делать чужеземке в чужой холодной стране, над которой к тому же уже собирались грозовые тучи? Жюли искала лишь смерти, которая явилась перед ней в необычном обличье. Все это мне удалось вытянуть из нее буквально по слову. За время подготовки к балу мы немного сблизились с ней, и она оказалась вовсе не такой гордой и холодной, как представлялось с первого взгляда. Сто лет спустя она все еще любила своего Сергея. Я слышала, как менялся ее голос, когда она произносила его имя. Я даже чувствовала, что в ее груди в этот момент снова начинает биться сердце. Если бы меня попросили назвать самую великую историю любви, я назвала бы не имена Ромео и Джульетты – что успели они, умершие слишком рано, чтобы понять, как можно жить друг без друга, – а имена русского офицера и французской танцовщицы. Сергея и Жюли. Я надеюсь, что моя любовь к Артуру будет столь же глубокой и верной, только хотелось бы, чтобы немного более счастливой.

Артур, эпизод 10. Обратный отсчет начат

– Ну, что ты теперь скажешь, мой мальчик?

Его голос, как всегда, когда он говорил с Артуром, был полон отеческой заботы. В его присутствии больше всего хотелось опуститься перед ним на колени и откровенно рассказать все, переложить бремя забот и волнений на надежные, крепкие отцовские плечи.

Да, хотелось, но Артур не мог себе этого позволить.

³ Строчка из стихотворения Вертинского, посвященного Вере Холодной.

Он уже не помнил, когда именно между ним и Отцом пробежала черная кошка. Скорее всего, упрямство зрело в нем постепенно, накапливаясь в душе по крохотной капельке. И откровенность делалась все более и более невозможной.

Вот и сейчас он усилием воли подавил в себе рвущееся на волю желание открыться и запрятал все мысли о Полине далеко-далеко в глубь сознания. Чтобы Отец не почувствовал, чтобы не уловил даже тени запретной мысли.

– Все идет лучшим образом, Отец, – ответил Артур твердым, уверенным голосом. – Полина постепенно осваивается здесь, однако время еще не пришло. Кое-кто из твоих детей спугнул ее, ты знаешь. Теперь мне приходится быть особенно осторожным и терпеливым.

Старейшина чуть заметно кивнул, расправляя кружевные манжеты, выглядывающие из-под расшитых золотым шнуром рукавов бархатного черного камзола. Черный цвет особенно подчеркивал пугающий желтоватый, как старый пергамен, тон его лица, вернее даже черепа, обтянутого тонкой сухой кожей, черные провалы глазниц, в которых мрачным пламенем горели черные, с алым отливом глаза... Он уже мало напоминал человека, скорее – древнюю мумию, и Артур не раз задавался вопросом: если так выглядит старейшина, то каков же Патриарх, который раза в три древнее. Древнее Патриарха только прародитель, но о нем не было слышно уже давным-давно, и никто не знал, что с ним случилось.

– Так когда девчонка будет готова? – спросил вельможа.

– Я делаю все, что возможно, Отец. И внимательно слежу за ней. Здесь она в полной безопасности, и у нас еще есть время, – Артур старался не смотреть в глаза старейшины, впрочем, такое поведение не удивляло того – мало кто по доброй воле осмеливался взглянуть ему в глаза.

– Ты молодец, мой мальчик. Мне сказали, что девочка испытывает к тебе чувства, – слово «чувства» вельможа произнес так, словно выплюнул нечто, жгущее ему язык. – Только будь осторожен, не увлекись этой игрой и сам.

– Да, Отец, я всегда очень осторожен, – Артур низко поклонился и, считая, что аудиенция закончена, собирался покинуть приемный зал.

– погоди, мы выпьем с тобой за успех дела, – велел старейшина и позвонил в лежащий подле его высокого кресла золоченый колокольчик.

Тут же появился высокий человек. Артур знал, что это личный секретарь Отца, преданный ему до глубины души. Все в этом доме были преданы Отцу. Лишь у него, у Артура, в душе появилась трещинка. Только об этом нельзя было думать. И он стал думать о роскошном лепном потолке, и о дрожащем пламени свечей в массивных золотых канделябрах, и о стенах, покрытых старинными гобеленами, – о чем угодно, только не о...

– Пей, мой верный сын, – снова послышался голос старейшины, и Артур заметил, что камердинер уже почтительно склонился перед ним, протягивая небольшой поднос, на котором стоит высокий тяжелый кубок, украшенный крупными кроваво-красными рубинами. Кровь – везде кровь. Что поделать, такова доля того, кого приняла в себя тьма, кто нашел в себе силы принять ее в свое сердце.

Артур взял кубок и отпил густую красную жидкость. То, что давало им жизнь. То, без чего любого из них ждала мучительная смерть. Отказаться от этой бодрящей, дающей силы влаги было невозможно, без нее просто-напросто сносило крышу, и зверь, пока что мирно дремавший где-то внутри, вырывался наружу, принимал на себя управление совершенным телом – телом, специально приспособленным для того, чтобы охотиться, чтобы убивать.

Несколько жадных глотков – и кубок был пуст.

Поставив его на поднос, Артур еще раз низко поклонился и, как предписывал этикет, пятясь вышел за дверь.

В душе его бушевала буря. Вернуться к Отцу, упасть перед ним на колени и молить о прощении. Нет, не о прощении – о том, чтобы Он сам забрал эту жизнь, ведь отдать ее ради

Него – лучшее, о чем только можно мечтать! Разве есть что-либо, что жалко принести в дар Ему – Отцу, Создателю!..

Артур остановился и оглянулся на огромную, целиком вырезанную из черного дерева дверь в покои старейшины.

И внезапно почувствовал, будто его руки коснулась другая – теплая и нежная рука. Запах фиалок и улыбка, вспыхивающая на ее лице восходящим солнцем... Она надеется на него, он – ее единственная опора, а поэтому он никогда не сможет ее предать, что бы ни случилось.

И Артур, снова почувствовав в себе силы, зашагал дальше, шаг за шагом удаляясь от личных покоев Отца. Он шел к ней.

Более всего Артур завидовал другим Его детям. Они могли не ладить между собой, могли плести интриги друг против друга, но никогда не изменили бы Ему. Даже Владлен, предавший свой Дом, был уверен, что действует против Артура, но не против Отца, и принял смерть, которую Отец всегда дарил своим детям сам, с восторгом и благодарностью. Как хорошо, как легко братьям, перед которыми не стоит такой страшный выбор. Он, Артур, словно бы стал Каином и даже удивлялся, что на гладком белом лбу так и не появилась пылающая печать, что ни Отец, ни братья, похоже, пока просто не замечали ее. Потому что верили ему, потому что не ждали от него предательства. Вместе с тем он прекрасно понимал, что долго так продолжаться не может, и рано или поздно ему либо придется все-таки делать выбор, либо его сделают за него. Малейшее подозрение – и Отец заставит его поднять взгляд и встретиться с ним глазами. А там у него уже и вправду не останется выбора. Воля старейшины без труда сломит его сопротивление, и Артур расскажет все, что тот захочет. Он сделает все, что велит Отец, словно марионетка, которую дергают за ниточки.

– Артур, – окликнул его знакомый женский голос.

Лиз шагнула от стены навстречу ему. Гибкая, как всегда затянутая в черную кожу, она напоминала грациозную пантеру. Лиз была полукровкой. Это был единственный случай, о котором Артур слышал, когда дикий вампир путем инициации входил в один из Домов. Благодаря капле дикой крови Лиз получила необычные для семьи способности и считалась очень опасной. Справиться с ней мог разве что Отец. Ее боялись, ее уважали и сторонились. В вампирском сообществе Лиз занимала особое положение.

– Здравствуй, Лиз, – охотно откликнулся Артур, мигом надев на лицо маску равнодушно-почтительного внимания. – Ты как, по делу?

Она смотрела на него сузившимися глазами. Пантера, нет, дикая кошка, готовая чуть что выпустить коготки.

– Я слышала, скоро бал, – промурлыкала она, – и оставила для тебя несколько танцев.

– Лиз, – он преувеличенно удивленно посмотрел на нее, – ты же знаешь, что я на задании и не могу рисковать делом, которое поручил мне Отец, а поэтому не буду действовать ради собственного удовольствия.

– Неужели тебе поручили не отходить от этой девчонки? – она легко, почти лаская, провела остро отточенными ногтями по его плечу.

– Мне поручили следить за тем, чтобы она была довольна и чтобы никто, – Артур подчеркнул это слово, – не расстраивал ее и не ставил под угрозу ее лояльность Дому.

«Хотя почему бы и нет, – вдруг подумалось ему, – пусть Отец увидит Полину расстроенной. Это укрепит его в мысли о том, что с инициацией стоит подождать. Если то, что я потанцую с Лиз, расстроит Полину, это, возможно, спасет ее. Пока. А потом – еще что-нибудь придумаем».

– Однако пара танцев вряд ли навредит делу, – произнес Артур уже вслух. – Запишешь меня в свою книжицу?

Лиз довольно улыбнулась. Она любила, когда все складывалось так, как она хочет, а выскочка-девчонка, о которой только и говорят в Доме, не понравилась ей с первого взгляда.

– Договорились, – рука переместилась на его щеку, и когти осторожно скользнули по коже так, что выступило несколько крохотных алых капелек. Лиз на миг прильнула к Артуру, слизывая их, и тут же удалилась.

Артур в задумчивости остался посреди коридора. Глупо, но, похоже, ситуация значительно ухудшилась – вот стоило только подумать, что хуже и быть не может, – и вот нате вам, пожалуйста! Он не помнил, чтобы давал Лиз повод для такой интимной ласки. Кажется, придется разбираться еще и с этим.

Глава 4

Жизнь, определенно, налаживалась. Я отпила немного мангового сока и даже зажмурилась от удовольствия. Густой сладкий сок чуть охлаждал горло. Это была не какая-то бурда из пакетиков – натуральный сок из свежих манго, только сегодня доставленных нам откуда-то из Африки.

– Вот, обрати внимание на эти страницы, – Жюли положила передо мной глянцевый каталог.

Красивые ухоженные девушки демонстрировали умопомрачительные платья, стоившие наверняка совершенно ненормальных денег. В каталоге даже не было цен, видимо, специально, чтобы не травмировать хрупкую психику потенциального покупателя.

– Я и вправду могу заказать все это? – я подняла взгляд на вампиршу.

Жюли наклонилась надо мной, заглядывая на страницу.

– Все? – она высоко подняла идеально очерченные брови. – Я бы не советовала. Вот этот фасон, – изящный пальчик с безупречным маникюром на миг ткнулся в картинку, – тебе категорически не пойдет. Вспомни, я говорила, что тебе нужно подчеркивать талию и ни в коем случае не увеличивать зрительно плечи – это тебя погубит!.. А вот это кремовое и вон то серебряное бери. Они как раз для тебя.

Я недоверчиво посмотрела на страницу. Скромная подпись Армани подразумевала совсем нескромную цену.

– Полина, не думай о деньгах, – верно угадала мои мысли Жюли. – Забудь. Думай только о себе. Ты – красивая девушка и достойна самой лучшей и дорогой одежды!

Я неуверенно кивнула. Еще немного, и почувствую себя настоящей принцессой. Или это только сон? Или сном была вся моя предыдущая жизнь? Попробуй разбери.

– С твоей фигурой ты можешь позволить себе самые смелые фасоны. Не бойся, фантазируй – у тебя есть для этого все возможности. Вот еще несколько каталогов по ювелирным украшениям. О! Мы же еще сумочки не смотрели! Хорошая сумка – это очень важно. Это... ну, как лицо женщины!

Я невольно улыбнулась и отпила еще глоток сока. Жюли умела говорить так завлекательно!.. Но было нечто, расстраивавшее меня.

– Жюли, зачем мне все это, если я все равно сижу здесь в четырех стенах! – воскликнула я, уронив каталог на колени.

– Бедная девочка! – она обняла меня, прижав к своей холодной груди. – На тебя столько всего обрушилось в последнее время! Понимаю, сидеть здесь с нами не доставляет тебе особого удовольствия...

– Да нет, все, в общем, нормально. Здесь я в безопасности и, кроме того, уже многому научилась... Вот если бы только мне разрешали выходить на улицу... Хотя бы ненадолго...

Жюли присела на ручку моего кресла и задумчиво посмотрела на меня.

– Я знаю, – медленно проговорила она. – Вы, люди, – как птицы. Вам нужен воздух и вы не можете жить в клетке... Знаешь, я поговорю с Отцом. Возможно, мы сможем решить этот вопрос.

– Правда?!

– Правда. Какая же ты еще маленькая! – она потрепала меня по волосам. – В тебе есть нечто такое... настоящее. Пожалуйста, не теряй это никогда. Обещаешь?

И я, конечно же, пообещала.

Вместе с ночью, в мои глаза снова заглянул страх. Он смотрел на меня в окно бледной, будто выцветшей луной, он шептал мне темнотой переулков: «Ты моя! Ты никуда не денешься!»

Я снова шла по улицам хорошо знакомого черно-белого города. Но на этот раз я знала, куда иду, и была уверена, что в конце пути обязательно найду опору и защиту.

– Ты не сможешь причинить мне зло! – крикнула я темноте.

И она, будто испуганная моим голосом, заklubилась, словно варево в волшебном котле, и вдруг оттуда навстречу мне шагнула женщина.

У нее были длинные рыжие косы, ниспадающие до колен, ее голову обхватывал золотой обруч, а одежды были скреплены многочисленными золотыми фибулами с изображениями грифонов и переплетенных узоров. Из широких узорных рукавов выглядывали тонкие нежные руки, похожие на двух белых голубок.

Руки-голубки вспорхнули и опустились мне на плечи своей вековой тяжестью, словно вдавливая меня в землю.

– Это хорошо, что ты не боишься, – зазвучал в моей голове голос мелодичный и густой, словно вересковый мед. Я заметила, что плащ на плечах женщины – из тьмы, он и есть сама тьма, тьма мерцает в ее огромных прекрасных глазах, струится по ложбинке на груди, вытекает из рукавов... – Умирать страшно только в первый раз.

Я пытаюсь вырваться из цепких рук – зачем она говорит со мною о смерти?!

– Ты заблудилась, девочка, позволь я отведу тебя домой. Пойдем со мной. Там сладко пахнет яблоками, и звенят на ветру старые деревья. Там нет ни боли, ни страха, ни отчаяния. Там над тобой не посмеется друг и не предаст любимый. Пойдем домой!

Ее голос звучит так сладко и убаюкивающе, что я чувствую, как мои ресницы слипаются. «Артур!» – вспоминаю я и, цепляясь за это имя, как за спасательный круг, пытаюсь вырваться из опутавших меня шелковых пут. Только не закрывать глаза, только не поддаваться!

Сладкий аромат яблок кружит голову, а тихий стеклянный перезвон действует как колыбельная.

Дилли-дон, дилли-дон,
Милый дом, чудесный дом...

– Р-р-гав!

Я вздрагиваю от резкого звука, словно от пощечины, и сонливость соскакивает с меня.

Рядом с нами стоит большой пес, злобно скаля острозубую пасть. На землю ручьями стекает слюна... Где-то я уже видела эту собаку...

– Хугин? – спрашиваю я.

– Р-р-гав! – повторяет пес – то ли соглашаясь, то ли споря, и вдруг прыгает на все еще удерживающую меня женщину.

Она выпускает мои плечи, чтобы отразить удар, и я, воспользовавшись моментом, кидаюсь в сторону. Как раз вовремя.

Секунда – и они сцепились: хрупкая красивая женщина и огромная кудлатая собака. Но что это – руки-голубки теперь уже вороны – на них в мгновение появились черные острые когти, а из горла женщины вырвался грозный и пронзительный крик.

Собака тоже изменилась. Она еще более выросла, и теперь я ясно вижу, что у нее не одна голова, а целых три – три громадных пасти, полных острых, как у акулы, зубов. Шерсть на собаке стоит дыбом. Она утробно и жутко воет, пытаясь вцепиться женщине в белую тонкую шею.

Тем временем плащ из тьмы, надетый на женщину, превращается в огромные черные кожистые крылья. Со страшным шумом они хлопают вокруг собаки, и, когда одно крыло касается тела пса, воздух вновь потрясает дикий вопль гнева и боли.

Я смотрю на эту сцену, не веря собственным глазам и не зная, какая из этих, несомненно древних, сил сулит мне спасение. Вероятнее всего, обе несут только смерть. Так не все ли равно, какая из них победит. Женщина или собака. Собака или женщина.

Они уже сплелись в дикий воющий клубок, из которого высовывается то очередная (сколько же их там?!) собачья пасть, то когтистая бледная рука.

– Беги, Полина! Я ее задержу! Ну беги же! – болью вспыхивают в моей голове слова.

Это не тот певучий голос, что разговаривал со мной до сих пор. Неужели пес на моей стороне?

Бежать! Куда угодно – только бы убежать из этого ада!

И я срываюсь с места и бегу, оставляя позади шум и яростные крики нешуточной битвы. Я несусь по пустым улицам, словно по страницам комикса, в котором почему-то забыли нарисовать людей, и я – единственный персонаж. Один во всей вселенной.

– Я еще вернусь за тобой. Ты уже почти что моя, – шепчет мне медовый голос.

Я снова чувствую на плече прикосновение ее руки – холодной, как лед, горячей, как огонь. Яростная боль врывается в мое тело...

...и я просыпаюсь.

Как странно, плечо до сих пор болит, как будто меня коснулось раскаленное железо. Я, вскочив с кровати, бегу в ванную к зеркалу и, приспустив бретельку ночной рубашки, едва сдерживаю рвущийся из горла крик: на моей бледной коже отчетливо алеет пятно, похожее на след от чьих-то пальцев.

Я возвращаюсь в комнату. Мой верный Морковкин смотрит на меня настороженно и выжидающе.

– Ты знаешь, что же это происходит?! – спрашиваю я.

Он молчит, в черных глазах-пуговичках застыло недоверие.

А вдруг я сумасшедшая, и все эти странные сны – плод больного воспаленного воображения? Нет, отпечаток на плече позволяет предположить, что дело не в этом. А тогда в чем? Кто-то пытается добраться до меня? Кто и зачем? Оказавшись здесь, в этом больше похожем на крепость, чем на дом, особняке, я считала, что нахожусь под защитой. Но кошмары и здесь настигли меня! Я вздрогнула, вспомнив, каким реальным казался мне этот сон. Я могла вспомнить каждую мелочь: холод тротуара под босыми ногами, старые стены черно-белых домов и, разумеется, их – собаку и женщину. Интересно, и что же им всем от меня надо? Зачем они преследуют меня, словно дикая охота запоздалого путника⁴. В какую ловушку они меня гонят?

В дверь постучали, и мне не нужно было спрашивать, кто это. Мы теперь и вправду связаны.

Артур, эпизод 9

Полина стояла на пороге комнаты, судорожно сжимая у горла ворот смешного махрового халата так, будто от этого зависела сейчас вся ее жизнь. В необыкновенных фиолетовых глазах метался ужас, а ресницы подрагивали.

Артур обнял ее за плечи и прижал к груди. Какая она все-таки хрупкая! Как тоненькая веточка. Он хотел бы защитить ее от всего мира. И в том числе (или прежде всего?), конечно, от

⁴ Скандинавский миф, согласно которому бог Один со своей свитой носится по земле, собирая души людей. Если кто-либо встретится с ними, то попадет в другую страну, а если заговорит, то погибнет.

себя. Нет, сейчас не он для нее главная опасность. Но здесь, в этом доме, нужно быть предельно осторожным. Нужно пройти по краю, вернее, по остро отточенному лезвию.

Нападение на Полину оказалось на руку Отцу и Дому. Они все равно собирались привезти ее сюда, а тут такой благовидный предлог. Однако Артур прекрасно знал, что на этом Отец не остановится. Ему нужна была сила и абсолютная преданность Полины, а значит, ее сделают вампиром. Инициация казалась неизбежной. Отец сам проведет обряд и даст ей часть своей крови, тем самым окончательно подчинив ее себе. Сможет ли Полина сопротивляться? Что будет, если верх возьмет ярость, что живет в ее крови – древней крови демонов? Допустить это никак нельзя. Полина – человек. Она слишком живая и слишком настоящая... Артур слишком любит ее, чтобы позволить кому бы то ни было ломать ее судьбу!

Артур задумчиво перебирал пальцами густые черные волосы Полины, чувствуя их тонкий аромат. Вампиры почти не обладают запахом. Сами по себе они просто не пахнут – так же, как и не потеют. Как чудесно, что она – живая. По-настоящему живая! И, если понадобится, он сделает все, чтобы спасти ее.

Постепенно девушка успокоилась и затихла, прижавшись к его груди.

– Что случилось, опять плохой сон? – спросил он.

– Сон?... – повторила Полина задумчиво, поднимая голову, чтобы заглянуть ему в глаза. – Артур, а бывает так, что сны переходят в реальность? Кто-то может влиять на сны?

Что-то, определенно, случилось. Но говорить с ней об этом сейчас – нельзя. За ними следит недремлющий глазок камеры, спрятанной так хорошо, что не знай он об этом, то и не обнаружил бы его.

– Не бойся, маленькая, тебе просто приснился кошмар.

Она смотрит вопросительно, и его глаза отвечают ей: «подожди, любимая, не сейчас». И она понимает. Она всегда понимает все так хорошо, что иногда это его пугает.

– Хочешь, я посижу с тобой?

– Да...

Она похожа на маленькую растерянную девочку. Как же они могут играть с ней? Как же это мог делать он сам? Как хорошо и удивительно, что она простила его. А ведь зло вошло в ее жизнь именно с появлением Артура. Это он вторгся в ее уютный мир, где были любимые книги и занятия по журналистике, где все подчинялось привычным законам логики и дважды два всегда равнялось четырем. Один математик сказал, что если дважды два пять, то ведьмы существуют. Если прорешать этот простой пример наоборот, выходило, что и математика у них совершенно разная.

Артур и Полина – вампир и человек. Между ними не было ничего общего. Кроме той невидимой связи, что постепенно, но неумолимо соединила их. Теперь расстаться – для них хуже, чем лишиться воздуха. По крайней мере, он может жить без воздуха, а без нее – кажется, уже нет.

Полина скинула халат и забралась под одеяло. На секунду перед ним мелькнуло ее белое плечо, на котором, словно печать, алел след от пальцев. Знать бы, что случилось и чьи это шутки. Но пока приходилось соблюдать осторожность, делать вид, что он ничего не замечает, что все совершенно нормально.

– Не уходи, пока я не засну, – попросила Полина и закрыла глаза.

Тень от длинных густых ресниц на бледной, почти прозрачной коже – это очень красиво. Можно смотреть на нее бесконечно. А еще – на тонкие губы и на бьющуюся на шее жилку. Он почти видел, как бежит по ней кровь. Это завораживало и пьянило, вызывая к самым древним инстинктам. Трудно жить, когда внутри тебя – чудовище. Когда ты сам – монстр, удерживающий рвущиеся наружу желания. Только такие, как он, знают, что такое настоящая жажда. Только такие, как он, знают, сколь ценна человеческая жизнь.

Сейчас его зверь сидит за дверью с тяжелым засовом и только тихо царапается когтями, проверяя, а вдруг хозяин позабыл запереть дверь?... Но иногда так трудно удержать его внутри.

Артур все стоял над спящей Полиной, слушая ее сонное дыхание. Вампир и невинная девушка – готовая картинка для фильма ужасов. Но нет, его запоры еще крепки, а чудовище все еще под контролем. Полина может крепко спать, он будет с ней до утра, отгоняя страшные сны и охраняя ее ото всех. Даже от себя.

* * *

Я проснулась с ощущением, что только что, может, всего минуту назад, Артур был здесь, рядом со мной, и комната все еще хранила отпечаток его присутствия.

Потянувшись, я села на кровати и улыбнулась Морковкину. Наверное, время уже приближалось к полудню. Не знаю. Окна в моей комнате не было, а легла я поздно.

Настроение было самым радужным, и я, с наслаждением ступая по мягкому ковру, пошла в ванную и встала под контрастный душ. Вода стекала по лицу, волосам, груди, а я, запрокинув лицо, наслаждалась этим, представляя, что нахожусь где-нибудь в джунглях под проливным тропическим дождем.

Ночные страхи больше не тревожили меня, я объяснила их усталостью и большим количеством обрушившихся на меня впечатлений.

Я выключила душ и, завернувшись в мохнатое белое полотенце – тоже удивительно мягкое, нежно ласкающее кожу, – встала перед зеркалом.

Кстати, интересно, и что нашел во мне Артур?... Нет, конечно, я всячески не против, но все-таки... Вот он – действительно красив. А я?

Лицо, конечно, бледное, но не более чем всегда. Однако неплохо бы все-таки выбраться на воздух, а то еще немного, и я превращусь в дитя подземелья... Фигура... Я позволила полотенцу соскользнуть на пол и принялась пристально изучать свою фигуру. Пожалуй, Жюли права: талия у меня тонкая, и, если правильно подчеркнуть ее, получится красиво. Ноги, слава богу, длинные, не кривые. Уже неплохо. Живот скорее впалый, но это все же лучше, чем если бы он арбузом выкатывался вперед или нависал ужасными складками. Грудь... вернее почти полное ее отсутствие – недостаток. Но что поделать. Надо будет посоветоваться с Жюли. Наверняка она подскажет, как превратить этот недостаток в достоинство. В придуманном ею платье все смотрелось вполне прилично – так, что я даже удивилась. Я чуть повернулась, разглядывая себя сбоку, и замерла: на плече красовалось пятипалое клеймо. Я с недоверием ощупала его – кожа на этом месте немного припухла и казалась сожженной. Как странно! Мне уже почти удалось убедить себя, что сегодняшний сон – всего лишь плод моего разгоряченного воображения, а тут...

Странные со мной происходят вещи. Похоже, что играющая сторона здесь не одна. Интересно, кто та женщина, что явилась во сне из тьмы. Не меньше вопросов вызывала и собака. Моя жизнь теперь почти целиком состояла из вопросов, ответы на которые я, разумеется, не знала.

Выйдя из ванной, я взглянула на часы и поняла, что по установившемуся расписанию пора идти в спортзал. Сначала тренировка и медитация – совсем как на карате, которым я начинала заниматься в клубе неподалеку от дома, потом – тренировка с оружием и стрельба. Артур взялся за меня всерьез. Но я и сама прекрасно осознавала пользу этих занятий: да и как не осознавать, когда все вокруг будто сговорились убить меня – и это в лучшем случае, в худшем – сделать из меня свою марионетку. Роль деревянной куклы, послушно выделяющей замысловатые па, подчиняясь ловким пальцам кукловода, не представлялась привлекательной и перспективной, а поэтому нужно было обязательно научиться давать отпор любому, заявившему по мою душу или тело.

Я старалась не шадить себя на тренировках и даже рассердилась на Артура, пытавшегося «пожалеть» меня и дать сегодня программу полегче. В итоге я вернулась в комнату совершенно разбитая, не зная, что у меня болит сильнее: плечо, пресс или колени. Думаю, наш физрук весьма удивился бы, увидев меня сейчас. В школе я никогда не проявляла подобного рвения. Дело в том, что это была не школа, а то, что творилось вокруг меня, происходило отнюдь не в рамках школьного тренинга. Кстати, прекрасная педагогическая идея: поставь ученика в экстремальную ситуацию и удивляйся, сколь быстро и успешно он начинает учиться, когда от этого зависит не отметка в дневнике, а его собственная жизнь.

Приняв душ и немного отдышавшись, я набрала номер Артура и сказала, что у меня нет больше сил сидеть взаперти без воздуха и нормального света. Он пообещал узнать и вскоре перезвонил. Ура! Их с Жюли совместные усилия увенчались успехом. Мне было разрешено покинуть стены темницы и немного прогуляться, но с одним условием: с нами должна пойти Лиз. Последнее я, разумеется, приняла без всякого удовольствия, но выбор оказался прост: либо выйти на улицу в сопровождении Артура и Лиз, либо сидеть взаперти.

Я надела джинсы, футболку с длинными рукавами и куртку, на ноги – кроссовки и вышла из комнаты. Артур и Лиз уже ждали меня. Я уже говорила, что они – прекрасная пара? Оба совершенно безукоризненны. Хорошо быть вампиром: на все требуется минимальное количество времени, а выглядишь ты при этом отлично.

Был уже вечер, и Артур сказал, что безопаснее всего погулять пару часов по центру.

Мы шли, переговариваясь и смеясь, следующая за нами Лиз была, похоже, не в настроении. Я заметила, что она внимательно следит за мной и Артуром, и даже понимала ее. Отчасти. Ей – прекрасному воину и специалисту по сложным ситуациям – поручили надзор за наглой девчонкой, как тут не обидеться? Я сама обиделась бы на ее месте.

Мы проходили по Новому Арбату, когда меня окликнул хорошо знакомый, хотя почти позабытый в последнее время голос.

Я обернулась. Вика и Димка. Ну надо же, какие пары образуются в последнее время!

– Полина! Что ты здесь делаешь? А мы думали, тебя перевели в какую-то суперзакрытую школу! – привычно зачастила Вика. – Привет, Артур. Вижу, вы по-прежнему вместе. А эта девушка, – быстрый взгляд на Лиз, – тоже учится с вами? И как вам школа, нравится? Ну, рассказывайте, что происходит! – и тут же сама обрушила на меня целый водопад новостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.